

№4 (1603)

2011

Не в силе Бог, а в правде!

ПОСЕВ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

**Преобразования
теряют смысл,
если они проводятся
не ради людей**

*Великая Княгиня
Мария Владимировна*

Журнал «Посев».
Учредитель: Некоммерческое Партнёрство
«Издательское, исследовательское и просве-
тительское содружество "Посев"»

Издаётся с разрешения и при содействии
издательства POSSEV GmbH
Frankfurt am Main

Главный редактор

Ю.С. Цурганов

Редакционная коллегия:

Г.М. Амнуэль, Т.П. Артёмова,
Б.Д. Бедросьян, С.В. Волков,
А.Б. Горянин, В.Э. Долинин,
Е.И. Древинский, Г.В. Кокунько,
О.А. Кузнецова, С.М. Маркедонов,
Б.С. Пушкарёв, А.Р. Редлих,
Ю.А. Рыбаков, В.А. Сендеров,
В.Б. Славин-Боровский,
М.В. Славинский, И.Б. Чубайс,
И.Ю. Шауб, А.Н. Шведов.

Компьютерная вёрстка

М.Ю. Родионов

Корректор

К.В. Оскоцкая

Адрес издателя и редакции: 127051, Москва,
ул. Петровка, 26, стр. 2, оф. 96
Телефон/факс: (495) 625-9248

E-mail: tsurganov@mail.ru;

posevru@online.ru

http://www.posev.ru

Адрес типографии ООО Принт сервис
групп: 125438, Москва, 2-й Лихачёвский
пер., 7. Телефон (495) 797-8124

Тираж 800 экз. Свободная цена
Подписано в печать 26.03.2011

Адрес издательства POSSEV GmbH:

Flurscheideweg 15,
D-65936, Frankfurt a. M., Germany
Tel. 34-1265; fax 34-3841.

http://www.posev.de

E-mail: posev-ffm@t-online.de

Журнал зарегистрирован в Министерстве
печати и информации Российской Федера-
ции 29.11.2002 г.

Свидетельство о регистрации
ПИ № 77-14072

© Некоммерческое Партнёрство «Издатель-
ское, исследовательское и просветитель-
ское содружество "Посев"»

ISSN 0234-8284

Мнения авторов не всегда совпадают
с точкой зрения редакции. Ответствен-
ность за точность приводимых сведений
несут авторы. Редакция в переписку с не-
опубликованными авторами не вступает.
Рукописи не возвращаются и не рецен-
зируются. При перепечатке любых мате-
риалов ссылка на источник обязательна

ПОСЕВ

№ 04 (1603) апрель 2011 г.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Основан в 1945 г. в эмиграции, с 1992 г. издаётся в Москве

Содержание:

Колонка редактора. 2
СОБЫТИЯ, КОММЕНТАРИИ, ИНТЕРВЬЮ

Глава Российского

Императорского Дома Е. И. В.

Великая Княгиня Мария Владимировна.

Преобразования теряют смысл,
если они проводятся не ради людей. 3

Сергей Маркедонов. Новый Ближний Восток:
кавказское эхо. 4

Татьяна Артёмова. Волна 7

ОБЩЕСТВО, ПОЛИТИКА, ВЛАСТЬ

Валерий Сендеров. Россия и Змий 11

Игорь Иванов. «Десталинизация» — 2011... 12

Григорий Амнуэль.
Десоветизация против десталинизации ... 14

Владимир Строгецкий.
Роль гуманитарных наук в связи
с переходом на двухуровневую
систему образования 16

МОСТЫ ИЗ ПРОШЛОГО

Игорь Чубайс. «Историческая Россия» против
«России вне времени». 18

Антон Васильев.
Это всё придумал Черчилль в 18-м году... 21

Леонид Владимиров. Двенадцатое апреля... 28

Михаил Науменко. Катынь — Смоленск 33

КНИГИ И ЛЮДИ

Андрей Мартынов.
На службе России: граф Бенкендорф. 39

Александр Рашин.
И снова о смерти Сталина. 42

ПИСЬМА И ВСТРЕЧИ

Константин Антипин. «Сталинобус»..... 47

ПАМЯТИ ДРУЗЕЙ

Людмила Глебовна Редлих.
1921–2011..... 48

Владимир Сергеевич Курдюков.
1941–2011..... 48

2011 год – год двадцатилетия Августовской (Преображенской – начало 19.VIII) революции 1991 года. В преддверии этого юбилея появились (с двадцатилетним же опозданием) документы, могущие стать решающими, которые отстаивают наши политические позиции.

Решение Архиерейского Собора от 2 февраля о почитании новомучеников, 5-й пункт которого говорит о недопустимости почитания тех, кто способствовал их гибели, и о необходимости исправления названий улиц и городов.

Почти одновременно Совет по развитию гражданского общества и правам человека при Президенте РФ опубликовал «Предложения об учреждении общенациональной государственно-общественной программы “Об увековечении памяти жертв тоталитарного режима и о национальном примирении”». (Данные предложения были подготовлены Рабочей группой Совета по исторической памяти и переданы Президенту РФ 1 февраля 2011 г.) «...Чувство ответственного хозяина страны, – говорится в документе, – немыслимо возродить, скрывая – не столько от внешнего мира, сколько от самих себя – правду о том, что наш народ сделал сам с собой в XX веке... Одним из важнейших путей преодоления взаимного отчуждения народа и элиты является полное признание российской катастрофы XX века, жертв и последствий тоталитарного режима, правившего на территории СССР на протяжении большей части этого века».

Цели программы:

«Первая и главная – модернизация сознания российского общества через признание трагедии народа времён тоталитарного режима...

Вторая – обеспечение поддержки программе модернизации страны со стороны наиболее образованной и активной части населения.

Третья – ...она (программа – Ю.Ц.) должна быть инициирована Россией, как наиболее пострадавшей из стран, переживших тоталитаризм.

Четвертая – ...Возможные издержки от осуществления этой программы можно с лихвой компенсировать обращением к лучшему, что было в российской истории – например, к блистательной эпохе, начавшейся с Екатерины II и закончившейся в 1917 г...»

Конкретные направления программы:

«Необходимо увековечить память о погибших; в частности, необходимо провести массовую установку обелисков и иных знаков памяти как в местах захоронения жертв тоталитарного режима, так и в городах и селениях, где их арестовывали и откуда их вывозили... Этой программе, как и программе установки знаков памяти, следует с самого начала придать международный характер: она должна стать общей для всех стран СНГ и Балтии, а, возможно, и для других стран, входивших в “соцлагерь”...»

Программа говорит о необходимости, наконец, рассекретить архивы, о широком привлечение молодёжи, о намерении «создать современные курсы отечественной истории для средней школы, свободные от старых и новых мифологем, сочетающие системность и историзм изложения с отчётливой нравственной, правовой, гражданской и политической оценкой событий, поощрять и поддерживать научные исследования по отечественной истории...»

В проекте «Десталинизация России», принятой президентской Комиссией по правам человека 30 марта, говорится во многом о том же, хотя постановка вопроса о десталинизации представляется шагом назад по сравнению с предшествующими формулировками об увековечении памяти жертв тоталитарного режима, правившего на территории СССР на протяжении большей части этого века. (См. соответствующие статьи в данном номере нашего журнала.)

Но, в общем, есть шанс, что лёд, наконец, тронется. Какова наша роль в этом движении? В названных документах сказано о том, о чём мы говорили давно. Но мы говорили больше. У нас есть концепция новейшей истории России, изложенная в книге «Две России XX века», согласно которой РФ есть наследница именно российского Сопротивления, а вовсе не советской власти (от которой она унаследовала материальную часть – АЭС, ГЭС, ВПК и прочее). Эта книга есть важнейшее, что мы сделали за очередные десять лет.

Но работа продолжается. Только что при нашем содействии вышла книга С.Г. Пушкарёва «История России. Работы разных лет», в которой, в частности, сопоставляется почти одновременный освободительный опыт в России и США в 60-е годы XIX в. Выход такой книги тоже оказался созвучен инициативе ведущих государственных учреждений. В выставочном зале федеральных архивов (г. Москва) открылась выставка «Царь и Президент: Александр II и Авраам Линкольн. Освободитель и Эмансипатор». Организаторы выставки: Министерство культуры Российской Федерации, Федеральное архивное агентство, Государственный Исторический музей, Государственный архив Российской Федерации, Фонд Америко-Российского культурного сотрудничества.

«А экономические результаты колхозной реформы, – завершает соответствующую главу С.Г. Пушкарёв, – сказались в том, что бывшая аграрная страна – Россия превратилась в страну, нуждающуюся в импорте американского хлеба». Это ли не свидетельство российской катастрофы XX века?

*Глава Российского Императорского Дома Е. И. В.
Великая Княгиня Мария Владимировна*

Преобразования теряют смысл, если они проводятся не ради людей ДЛЯ ЖУРНАЛА «ПОСЕВ»

Сердечно приветствую всех, поминающих в эти дни моего великого прародителя Государя Императора Александра II Николаевича.

Было время, когда воздвигнутые в его честь благодарными соотечественниками мемориалы планомерно и варварски уничтожались. Ныне мы становимся свидетелями сооружения новых памятников Царю-Освободителю. Это является еще одним доказательством того, что злоба и ложь могут торжествовать только временно, и им никогда не удастся победить Правду и Любовь.

Но установка статуй и иных мемориальных знаков мало что скажет умам и сердцам современников и следующих поколений, если окажутся преданными забвению помыслы и дела наших предков. Поэтому я убеждена, что живое обсуждение реформаторского опыта Российской Империи и возможностей его использования в современных условиях является не менее значимым вкладом в увековечивание памяти Государей и их верных сподвижников, чем монументальное творчество.

Реформы Александра II воплотились в жизнь, не поколебав основы государства, во многом благодаря трудам его венценосных предшественников на протяжении целого столетия. Отмена крепостного права не могла бы состояться мирно, если бы до этого не было первых деклараций Петра III и Екатерины II, манифеста о трёхдневной барщине Павла I, указа о вольных хлебопашцах Александра I и работы секретных комитетов, учреждённых Николаем I. Даже половинчатые меры и неудачные эксперименты, вроде «военных поселений», принесли некоторую пользу, ибо позволили сократить число ошибок, когда момент принятия окончательного решения настал. Наследственная преемственность Верховной Власти, создающая оптимальные условия для управления страной с учётом долгосрочной перспективы, обеспечила строительство прочного фундамента модернизации России в 1860–1870-х гг. В то же время и сам Александр II проявил немалое личное мужество и силу воли, взяв на себя полноту ответственности за все нововведения.

В идейной основе и, тем более, в способах осуществления Великой Крестьянской Реформы и прочих всеобъемлющих преобразований, осуществлённых в царствование Императора Александра II, безусловно, можно найти как сильные, так и слабые стороны, как важные свершения, так и серьёзные просчёты. Это неизбежные составляющие любых грандиозных деяний, которые всегда будут рассматриваться и критиковаться с разных точек зрения.

Однако главное непреходящее историческое значение эпохи Великих Реформ заключается не в частности, а в заложенных тогда общих принципах, определяющих магистральный путь любой эффективной модернизации.

Принимая во внимание, что глубинное реформирование социально-экономических отношений, судебной системы, Вооружённых Сил, местного самоуправления, образования и иных сторон жизни нашего народа при Императоре Александре II произошло без потрясений и кровопролития, и сопоставляя этот процесс с гораздо более конфликтными и трагическими примерами модернизаций иного типа, мы можем прийти к следующим выводам.

Постоянное обновление необходимо, и стремление к нему людей естественно. Но замена устаревших и отживших форм новыми никогда не принесёт добрых плодов без опоры на вечно живую традицию. Попытки построить некий «новый мир» за счёт разрушения предшествующего наследия так же абсурдны, как действия человека, который, очищая крону дерева от сухих ветвей, заодно подрубил бы и все его корни.

Модернизация реально осуществима только с учётом уникальных национальных особенностей страны, порождённых её географическим положением и исторической судьбой. Использование зарубежных образцов допустимо и полезно, но только в качестве корректирующего компонента реформаторского плана, сформировавшегося в недрах Отечества. Примитивное копирование чужих методов и стандартов, какими бы успешными они ни были в других странах, неизбежно обернётся нежизнеспособностью реформ.

Самые современные и совершенные технологии в области политики и экономики окажутся бесплодными, если мы будем считать, что Вера, Совесть и Честь — просто красивые слова, а то и вовсе препоны на пути к достижению конкурентоспособности и успеха. Бездушный материалистический и чисто технократический подход к модернизации погубит любые начинания, сколь бы продуманными они ни казались. Чтобы нравственное начало не было потеряно, главный духовный и моральный ориентир России — Православная Церковь, другие вероисповедания, исторические институты — хранители традиционных ценностей и идеалов, должны обладать правом и возможностью полноценно и активно участвовать в обсуждении жизненно важных для государства и общества вопросов.

Преобразования теряют смысл, если они проводятся не ради людей, а ради каких-то отвлечённых идей

или партийных доктрин. Пренебрежение к человеческой жизни, свободе и достоинству личности не могут быть оправданы никакими победами, и самые могущественные государства, строившие своё величие на страданиях и угнетении граждан, оказались колоссами на глиняных ногах. Первенствующая цель модернизации — сохранение и преумножение народа, рост его благосостояния. Если же обстоятельства складываются так, что на определённом этапе совершенно избежать тягот и лишений невозможно, представители власти и наиболее успешные члены общества обязаны первыми подавать пример самоограничения и жертвенности.

Суть преобразований следует сделать понятной всем слоям народа. Полностью удовлетворить все надежды и чаяния не удастся никогда и никому. Для достижения высокой цели всем и каждому необходимо идти на уступки и жертвы. Чтобы люди были готовы к компромиссам, чтобы, поступаясь чем-то дорогим для себя, они не опасались, что их обманут, в обществе должен быть достаточно высокий уровень взаимного доверия и уважения к государственной власти.

С другой стороны, любая власть окажется бессильной без сотрудничества с прочными институтами гражданского общества. Всем нам нужно проникнуться сознанием, что сидеть и ждать, когда государство решит за нас наши проблемы, бесперспективно. Золотыми буквами должны быть повсеместно написаны ключевые слова Манифеста Императора Александра II Освободителя от 19 февраля 1861 года: *«Самый благодетельный закон не может людей сделать благополучными, если они не потрудятся сами устроить своё благополучие под покровительством закона. Довольство приобретается и увеличивается не иначе как неослабным трудом, благоразумным употреблением сил*

и средств, строгою бережливостью и вообще честною в страхе Божиим жизнью». Государственная власть вправе ожидать от граждан сотворчества, а граждане вправе ожидать и требовать от властных учреждений создания реальных механизмов проявления народной воли — не только от выборов до выборов, а постоянно.

Надеюсь, что обсуждение итогов и уроков Великих Реформ Царя-Мученика Александра II Освободителя будет продолжаться и после празднования юбилея, прозвучат разные мнения, но дискуссия пройдёт в духе объективности и взаимного уважения, а её выводы станут весомым интеллектуальным вкладом в дело модернизации России на основе её традиционных ценностей.

— ***Ваше Высочество! Какую русскую прессу читали в Вашей семье?***

— Читали, по возможности, всю русскую прессу, которая становилась доступной. Независимо от согласия или несогласия с разными взглядами и политическими позициями, хотели знать, о чём думают соотечественники, какую информацию получают, и как она преломляется в их сознании. Читали, в том числе, и советскую прессу, понимая, что в ней можно многое найти «между строк».

— ***Когда Вы впервые узнали об издательстве «Посев», какие его книги и периодические издания вызвали Ваш интерес?***

— Обо всех событиях в эмиграции всегда получали сведения своевременно, поэтому создание издательства «Посев» не могло пройти незамеченным. Регулярно получали журнал «Посев» и издаваемые книги, преимущественно исторического содержания — исследования и мемуары.

Мадрид, 19 февраля/4 марта 2011 года

Сергей Маркедонов

Новый Ближний Восток: кавказское эхо

Волнения на арабском Востоке стали самым ярким политическим событием нынешнего года. Наверное, исследователи международных отношений назовут 2011 годом Ближнего Востока. Сегодня весь мир следит за перипетиями в Египте, Ливии, Бахрейне и Тунисе. Исключением не стали республики Южного Кавказа и Россия (в составе которой находятся 7 северокавказских субъектов). Однако к интересу к столь неординарным событиям добавляется вопрос: «Возможно ли повторение египетских или ливийских событий в Грузии, Армении, Азербайджане или какой-то республике российского Кавказа?» Здесь, как говорится, «ничто не ново под луной». Подобный вопрос в 2003–2005 годах после серии «цветных революций»

в новых независимых странах СНГ также был среди приоритетов у политологов России, Армении, Азербайджана.

И если в случае с околоставными политологами наблюдается стремление увидеть в происходящих революционных потрясениях некие внешние силы (иной раз они прямо называются, по большей части на них делаются завуалированные намёки), то оппозиционно настроенные эксперты и журналисты с нескрываемой радостью говорят о «последнем часе» диктаторов. При этом ближневосточные политики оцениваются не сами по себе. Они наделяются чертами хорошо знакомых деятелей постсоветского пространства. В итоге дискуссия фактически сворачивается к проблеме «повторения». При таком подходе из поля зрения уходит целый ряд принципиальных геополитических и общеполитических сюжетов. Попробуем в настоящей статье остановиться именно на них.

Сергей Маркедонов — политолог, кандидат исторических наук, в настоящее время приглашённый научный сотрудник (Visiting Fellow) Центра стратегических и международных исследований, США, Вашингтон

Но сначала позволим себе несколько важных тезисов. Во-первых, революция — не вирус. Она не передаётся посредством чихания или рукопожатия. И если для свержения многолетнего правителя Египта Хосни Мубарака созрели социально-экономические, политические и психологические предпосылки, то это не значит, что их автоматически можно перенести из Северной Африки, например, на побережье Каспийского моря. Для того, чтобы смена власти произошла в какой-нибудь из стран Кавказа нужно, чтобы сложились воедино внешние и внутренние факторы именно в самих этих образованиях, а не за тысячи километров от них. Во-вторых, говоря о революциях в арабском мире, мы должны понимать также, что само это понятие во многом искусственный конструкт. Слишком уж непохожими друг на друга являются Египет с проамериканским президентом Мубараком (более того, эта страна до 2011 года была по абсолютным показателям рекорсменом по получению материальной помощи из США) и Ливия с харизматическим лидером революционной «Джамахирии» Муамаром Каддафи, который долгое время использовал антиамериканизм в качестве главного политического средства. Ни в первом, ни втором случае нет той ситуации, которая есть в Бахрейне, где шиитское большинство противостоит суннитской элите. И при желании мы можем ещё долго перечислять особенности каждой страны, вовлечённой в политическую турбулентность 2011 года.

Однако, как бы то ни было, все они объединены несколькими признаками. Во всех этих образованиях власть персонифицирована, а сильных институтов управления нет. Уход первого лица, в отличие от американско-европейской политической модели, в странах арабского Востока чреват образованием вакуума, который могут заполнить далеко не конструктивные силы. Зато обладающие ресурсами влияния и поддержки со стороны населения. В этом, как нам представляется, и кроется главная опасность нынешней турбулентности. Этот вакуум тем проще заполнить, что в обозначенных странах нет развитой партийно-политической системы, а оппозиция авторитарным правителям формировалась не столько вокруг идеологических принципов, сколько на базе личной неприязни. Поэтому она включала в себя непохожие элементы, начиная от радикальных исламистов и заканчивая «умеренными западниками» и националистами. И, как показывает опыт революционных потрясений на Востоке, окончательную победу, как правило, торжествуют не умеренные политики, а яркие радикалы, склонные к упрощённой картинке мира. Что же касается волны 2011 года, то показательно, что рушиться стали светские авторитарные режимы, созданные в 1950–1960-х годах на антиколониальной волне. И на смену им не выдвинулись сильные светские лидеры. По крайней мере, пока они не видны, хотя не исключено, что занимают выжидательную позицию. В этой связи становится понятно, что дестабилизация или радикальные революционные изменения в Северной Африке и на Ближнем Востоке могут кардинально изменить конфигурацию не только ближневосточной, но и ми-

ровой политики. По справедливому замечанию известного саудовского журналиста Джамала Хашогги, значение массовых выступлений в Египте по своему воздействию «столь же фундаментально, как антимонархическая революция 1952 года в том же Египте, со всеми её глобальными последствиями».

Но насколько нынешняя дестабилизация может спровоцировать политическое эхо в различных частях Большого Кавказа? Отвечая на этот вопрос, необходимо понять, какой интерес представляет этот регион для ближневосточных стран. Кавказ для стран арабского мира важен (с географической, экономической, геополитической точки зрения). Однако эта важность несопоставима с интересом, как к межгосударственным отношениям в ближневосточном регионе, так и с американским и израильским фактором. В этом плане показательной является оценка известного сирийского журналиста и политолога Баселя Хаджа Джасема, данная им применительно к событиям «пятидневной войны»: «Позиция арабского мира по поводу войны России и Грузии связана в значительной степени с оценкой роли Израиля в ней. Эта страна поставляла Грузии военную технику, оружие. И в целом можно сказать, что война, несмотря на прекращение огня и некоторую видимую стабилизацию, отбрасывает тень на международную политику на Ближнем Востоке сегодня, особенно после того, как стала ясна роль Израиля в помощи Грузии. Всё это заставляет Россию пересмотреть свою политику в отношении Ближнего Востока».

...Практически все согласны с тем, что августовская война бросила тень на маршруты передачи газа и нефти из Каспийского моря в Европу через Грузию и турецкий порт Джейхан. В этом плане повышается интерес и к будущему Каспийского моря, и к нефтедобыче в Персидском заливе. Контроль России над более чем третьей частью запасов нефти и газа в мире будет толкать Запад к комплексному мышлению в деле обеспечения реальных альтернатив. Всё это укрепляет стремление США доминировать в Персидском заливе, а также добиваться отказа Ирана от ядерных разработок».

Таким образом, прямого интереса у стран региона к кавказской проблематике нет. Их интересует стабильный Кавказ как возможная сфера приложения экономических интересов. В этом контексте мы можем рассматривать идею «четырёх морей», предложенную сирийским президентом Башаром Аль-Асадом в 2009 году. Речь идёт о создании зоны экономического партнёрства путем объединения транспортных и энергетических систем стран бассейнов Чёрного, Каспийского, Красного морей и Персидского залива со Средиземным морем. Что же касается такого оппонента Сирии, как Израиль, то в последнее время, в особенности после явного охлаждения двусторонних отношений с Турцией, Еврейское государство рассматривает Кавказ и Центральную Азию как ресурс для новых союзников «через голову» своих проблемных соседей. Несколько лет назад известный израильский востоковед Узи Рабин заявил, что Израиль дол-

жен проявлять большую активность в странах, окружающих Исламскую республику.

Однако ближневосточный мир — это не одни только государственные системы. Здесь мы можем говорить и о различных общественных движениях, если хотите, ближневосточном гражданском обществе, у которого совсем иные взгляды. Взять хотя бы оценки египетских исламистов (которые при Хосни Мубараке были под жёстким прессингом армии и спецслужб) к ситуации на Северном Кавказе. По мнению российского востоковеда Алексея Кудрявцева, «в отличие от Советского Союза, они уже не обвиняют Россию в “безбожном атеизме”, но ставят в вину “угнетение и подавление мусульман” на Северном Кавказе, прежде всего, в Чечне». В этой связи не случайно, что арабские боевики, которые заявили о своём участии в делах на Северном Кавказе (Хаттаб, Абу Омар Ас-Сейф, Абу Хафс Аль-Урдуни), не поддерживались правительствами своих стран. И большинство из них у себя дома проходили по обвинению в терроризме.

Как бы то ни было, а политическая либерализация начала 1990-х гг. и глобализация сделали своё дело. Северокавказский исламский мир стал намного ближе к мировому исламу (в самом широком смысле этого понятия). Отсюда и серьёзное внимание российской власти к тому, как наше слово отзовется в арабском мире, странах Центральной и Южной Азии.

Напомню, что после того, как Россия в конце 1994 года начала первую военную операцию в Чечне, перед Москвой встала проблема минимизации внешнеполитических рисков. Ведь впервые после ввода войск в Афганистан в 1979 году страна-преемник Советского Союза рисковала оказаться в изоляции в исламском мире. Тем паче, что количество мусульман в РФ исчисляется не одним миллионом человек. А значит, такой внешнеполитический аспект, как отношение стран Востока к северокавказской политике России приобрел тогда особое значение. Сохраняет он своё значение и сегодня. Единой линии в арабском мире по отношению к российской политике на Северном Кавказе не было, нет и быть не может (учитывая разнонаправленные национальные интересы Сирии, Ирака, Саудовской Аравии, Ливии, Египта). Так, например, Сирия и Египет выступили в поддержку линии Москвы, а Саудовская Аравия и Катар с осуждением. И в этом контексте позицию Египта, крупнейшей страны арабского мира в 1994 и в 1999 годах трудно недооценивать. Официальный Каир Хосни Мубарака проводил линию на осуждение террористических акций, проводимых северокавказскими боевиками, а также на невмешательство страны во внутренние дела РФ. В случае же радикального изменения конфигурации внутри Египта (а революция против Мубарака уже привела к столкновениям между христианами-коптами и мусульманами, а также призывам пересмотреть политику в отношении Израиля) отношение к северокавказской политике РФ не только в самой крупнейшей арабской стране, но и повсюду в арабском и мусульманском мире может серьезно измениться.

Понятное дело, что нынешние события в Египте дело рук не одних только исламистов, однако нельзя не видеть, что радикальное исламистское движение в этой стране имеет серьёзный ресурс. В этой связи здесь нельзя пропустить два момента. Во-первых, негативное отношение египетских исламистов и к СССР (а около 40% арабских наемников Афганистана были выходцами из Египта), и к России. Чтобы ни говорили в Москве про многополярность и многовекторность, исламисты не делают особого различия между Советским Союзом и нынешней РФ, считая это образование в разных его формах ветераном «религиозных войн». Во-вторых, прошлые и настоящие идеологи египетского радикального ислама оказывают серьёзное воздействие на мысли и дела северокавказских джихадистов. Многие их памфлеты (такие как работы дагестанца Тагаева «Наша борьба») являются вольной интерпретацией сочинений египтянина Саида Кутба (1906–1966).

Впрочем, эти труды и мысли весьма популярны и среди азербайджанских исламистов. И хотя власти этой страны демонстрируют свою готовность жёстко пресекать их деятельность (вспомним хотя бы недавнюю серию арестов и задержаний среди активистов Исламской партии Азербайджана), проблема позиционирования Азербайджана (светского государства) в исламском мире существует. Остроты ситуации добавляет и реакция соседнего с Азербайджанской Республикой государства Ирана на египетские события (между Каиром и Тегераном во времена Мубарака не было дипломатических отношений). Во время пятничной молитвы (она прошла 4 февраля 2011 года) верховный лидер (рахбар) Ирана Али Хаменеи назвал Хосни Мубарака «Намубараком» (то есть не имеющим благословения). Незадолго до этого новый глава МИД Ирана Али Акбар Салехи (заменивший на этом посту Манучехра Моттаки) в своём выступлении в парламенте (меджлисе) страны заявил, что приоритетом Исламской Республики будет «укрепление связей с государствами Азии и создание мощного блока азиатских стран на международной арене». И эта позиция внутри Ирана, похоже, может считаться консенсусом. Так, бывший президент Ирана Хатами (имеющий на Западе репутацию «либерала» и «иранского Горбачёва»), обращаясь к студентам Тегеранского университета, заявил, что корни нынешнего «пробуждения» арабского мира надо искать в религии. При этом надо иметь в виду, что главной геополитической фобией Ирана на кавказском направлении является проникновение сюда «нерегionalных акторов». По словам профессора Сейеда Джавада Мири, «Иран абсолютно убеждён, что проблемы Кавказа могут быть решены только самими странами региона, а присутствие нерегionalных игроков, таких, как Великобритания, Китай, США или Израиль, только ухудшает ситуацию». В начале апреля 2009 года в парламенте Ирана был представлен специальный доклад о проникновении Израиля в страны Южного Кавказа.

Между тем, Израиль является важным стратегическим партнёром Азербайджана. Более того, после

того, как МИД Еврейского государства возглавил Авигдор Либерман, среднеазиатское и кавказское направление израильской политики чрезвычайно активизировались. По словам бывшего начальника военной разведки Израиля Зеэви Фаркаша, «формирование коалиции с окружающими Иран умеренно суннитскими государствами (которые также остерегаются иранской ядерной угрозы) имеет чрезвычайное значение». Именно в этом контексте и надо рассматривать визит Шимона Переса в Баку 28 июня 2009 года. Надо ли говорить, что израильско-азербайджанское партнёрство является раздражающим фактором в ирано-азербайджанских отношениях. Накануне визита Переса в мае 2009 года начальник иранского генштаба Хасан Фирузабади заявил о том, что приезд главы Еврейского государства в Баку создаст проблемы во взаимоотношениях Ирана и Азербайджана, и о необходимости закрыть посольство Израиля в Баку.

Незадолго до этого значимого для двух государств события азербайджанские исламисты также проявили значительную информационную активность. За две недели до приезда израильского президента

активисты Исламской партии Азербайджана провели специальную пресс-конференцию, на которой было заявлено, что после израильской операции в секторе Газа (операция «литой свинец») Еврейское государство окончательно потеряло уважение в мусульманском мире. В феврале 2008 года другая группа азербайджанских исламистов в поселке Нардаран (близ Баку) организовала акцию по сожжению израильского флага. Как бы то ни было, а у азербайджанских радикалов (а здесь есть два типа исламистов, так называемые «ваххабиты», ориентирующиеся на российский Северный Кавказ, в первую очередь Дагестан, и шиитские радикалы, видящие Иран страной своей мечты) республиканская власть ассоциируется с враждебной произраильской политикой. Очевидно, что в случае нарастания египетского и ливийского кризиса и наращивания политических позиций исламистов в этих странах Азербайджан вряд ли останется в стороне от этого процесса. Тем более что важнейший стратегический партнёр Баку Турция в последние годы серьёзно пересмотрела свои приоритеты на Ближнем Востоке в целом, и в отношении Израиля в частности.

Татьяна Артёмова

Волна

Чудовищная волна, вызванная мартовским землетрясением в Японии, вызвала ответную волну страдания, сострадания, а затем ещё одну, не менее мощную, волну антиядерных настроений.

60 тысяч жителей Германии выстроились живой цепью в акции протеста против строительства новых атомных энергоблоков, чтобы показать своему правительству неприемлемость этого направления развития энергетики. В результате Ангела Меркель наложила мораторий на строительство новых атомных станций в своей стране.

Самым драматическим образом эти события предшествовали другой значимой и трагической дате в истории развития атомной энергетики. 26 апреля 2011 года исполняется 25 лет со дня Чернобыльской катастрофы.

Хроника

11 марта в Японии грянуло самое мощное с 1923 года землетрясение магнитудой 8,9 баллов по шкале Рихтера, которое сопровождалось разрушительным цунами. В результате на нескольких японских атомных станциях произошло аварийное отключение энергоблоков. На АЭС «Фукусима» вышли из строя системы охлаждения нескольких атомных реакторов.

12 марта на первом блоке «Фукусима-1» произошел взрыв водорода и обрушение части стены и крыши.

14 марта на третьем блоке станции взорвался скопившийся водород.

16 марта произошел ещё один взрыв и два пожара на четвёртом блоке, где расположен бассейн выдержки отработанного ядерного топлива (ОЯТ). Эвакуировано не только окрестное население, но и сотрудники компании Tokyo Electric Power (TEPCO), самоотверженно пытавшиеся взять под контроль ситуацию на АЭС.

15 марта в Брюсселе Еврокомиссия созвала экстренную встречу министров энергетики для анализа последствий аварии на японских АЭС. Верховный комиссар ЕС по энергетике Гюнтер Оттингер сообщил о решении провести стресс-тесты для всех атомных станций Евросоюза, Швейцарии, Турции и России. Однако окончательные решения о дальнейшей судьбе атомной энергетики и о строительстве новых блоков в своих странах будут принимать национальные правительства.

Переключая каналы

В эти дни, пожалуй, не было другого события, которое вызвало бы столь сильный отклик. Даже «веерное включение» революций на соседнем континенте отошло на задний план. 90 стран и организаций отправило в Страну восходящего солнца гуманитарную помощь.

Самое трагическое в том, что никто не может утверждать, будто худшее осталось позади. В том числе и применительно к атомным энергетическим источникам, которых в Японии ни много ни мало, а аж целых 56 штук! Зато эксперты утверждают: Фу-

кусиму отделяет от Чернобыля 1 балл по шкале МАГАТЭ (Международного Агентства по атомной энергии).

И вот этот экзотический факт возвращает нас на Родину.

Как известно, кроме Чернобыля, который волею политических перемен отошёл к Украине, оставив, правда, и на нашей земле, включая Ленинградскую область, так называемый «чернобыльский след», у нас остался еще ВУРС — Восточно-Уральский радиационный след. Грязное наследие комбината «Маяк», где ковался атомный щит Родины.

В ожидании новоселья

Вопреки обыкновению, Крещение я встретила в поезде. И когда моя карельская коллега и подруга Людмила Морозова позвонила из Петрозаводска узнать, в какой проруби я нынче купаюсь, мне пришлось признать, что я изменила традиции. Впрочем, на Урале, куда занесла меня в те дни судьба, стояли настоящие крещенские морозы. Настолько, что мои челябинские друзья решили отменить мою поездку в Муслюмово, куда как раз направился уполномоченный по правам человека Челябинской области Алексей Севастьянов. Мой поезд уходил через семь часов. Но разговор наш был на обжигающую тему. Моя челябинская собеседница — Наталья Миронова, основательница антиядерного движения в России, экологический активист и политик, кандидат социологических наук.

— Некоторое время назад в день памяти жертв радиационных катастроф у нас в прямом эфире радио «Эхо Москвы» в Петербурге был разговор с Милей Кабириной. С Вами он, к сожалению, по техническим причинам тогда не состоялся. И мы говорили о людях из Муслюмово, пострадавших от деятельности комбината «Маяк», которым Росатомом была предложена программа переселения, очень яркая, интересная, социальная и полезная программа. В эффективности которой, однако, многие сомневаются. Мне хотелось бы, чтобы Вы, как человек, много лет занимающийся этой темой, руководящий одной из самых авторитетных в России антиядерных организаций, высказали своё мнение на этот счет. Что там сейчас на самом деле.

— Я бы начала с предыстории, чтобы понять, почему там сегодня такая картина сложилась. Я согласна с тем, что программа яркая, неожиданная, социальная, переговорная, что очень важно.

— Да, в этой теме чрезвычайно важно...

— ...Инновационная для Росатома. Но дальше уже начались те процессы, которые мы видим везде, которые формируются возле денежных потоков. И эти процессы поставили программу в определённые рамки, связанные, как сейчас говорят, с возможностью коррупции. Это первое. Второе. Это наше советское прошлое. Когда люди жили, ну, и жили. Когда они не очень беспокоились о том, чтобы у них была оформлена собственность на жильё или на дом. Когда всё строилось на доверии. Если ты покупаешь и въезжаешь, — это автоматически становится твоё жильё.

— Твой дом.

— Да. И вдруг, когда пришла эта программа в посёлки, выяснилось, что у части жителей и хозяев домохозяйств нет так называемой «зелёнки». Или возникли какие-то семейные проблемы.

— А «зелёнка», это что? Это какое-то жаргонное название?

— Да, жаргонное обозначение сертификата собственности на жильё. Потому что дальше возникал вопрос, кто владеет, кто реально хозяин, кто зарегистрировался, кто въехал-выехал? Семья состояла из одного человека, когда покупали или въезжали, маленькая семья или большая семья? Потому что суть этой программы заключалась в том, что Росатом выкупает жильё и предоставляет нечто компенсирующее.

— Равнозначное по сумме?

— Ты знаешь, не всегда равнозначное, потому что та сумма, которая выделяется жителям, она недостаточна, чтобы купить жильё в любом месте. И купить жильё на всю семью. Ну, например, возникали проблемы, если семья большая, чтобы купить достаточный дом, нужно искать его в каком-то сельском населённом пункте. Но поскольку с этим фондом приехали риэлтеры. И если ты ищешь сам жильё, а не через них, то у тех семей, которые пытались искать жильё самостоятельно, стали возникать проблемы неутверждения их договора в Росатоме. Потому что договор купли-продажи должен утверждаться в Росатоме. И это одна линия, по которой люди стали задавать вопросы: «А что это такое? Почему они не могут найти дешевле и выгоднее для себя, а должны обращаться в контору, которая предлагает им худшие условия и не очень заинтересована согласиться с их предложением». Второе. Проблема, которая обсуждалась даже в суде. Она очень чувствительная. Потому что не все люди соглашались подтверждать этот факт, — хотя говорят, что подобное имело место, — когда договор подписывается на одну сумму, а домовладелец получает другую сумму. Это тоже элемент нашего сегодняшнего бытия, к сожалению, достаточно частый. Но для того, чтобы он был расследован в суде...

— ...должно быть согласие человека, с которым это произошло.

— Да, а ещё подтверждение. Свидетели.

— Ну, это какой-то не единичный «сигнал», как говорили когда-то?

— Не единичный. И по указанным выше причинам он остается только сигналом. Но это формирует, прежде всего, чувство социальной несправедливости. Будем оперировать социологическими терминами. Не юридическими. У жителей поселка Муслюмово нарастает чувство несправедливости. И поэтому они продолжают обращаться в общественные организации. Вот сегодня в Муслюмово поехал наш новый Уполномоченный по правам человека Челябинской области. Это для нас новый институт, недавно организованный. Его возглавляет Алёша Севастьянов, который вырос у нас в организации, в офисе нашего движения. Поэтому, я надеюсь, он впитал сильную соци-

альную составляющую, которая у нас всегда присутствовала...

— ...И, безусловно, он экологически очень грамотный человек.

— Ну, по крайней мере, да, ориентированный. Для него это не является враждебной сферой деятельности, как для большинства современных администраторов, которые ловят сигналы, посланные сверху административной нашей вертикали. Они настраивают чиновников на местах быть враждебными к экологической проблематике. А Алексей...

— ...иной.

— Да. У него другой опыт собственный, выстраивания самого себя. И это очень важно. И ещё одна проблема, которая там существует, та, что этот поселок разделили. Это тоже социальная, ну, или политическая технология. Или просто технология управления потоками. В этой программе смешались два финансовых потока. Один — из администрации Челябинской области, другой — из Росатома. И, якобы, по условиям вложения денежного потока из администрации, была только утилизация его в капстроительстве. То есть, это не деньги, которые можно было вывести на рынок вторичного жилья. Это средства, которые нужно вложить в первичное жильё.

— **То есть нельзя что-то купить, нужно обязательно что-то строить?**

— Да. Что-то строить. Возможно, там фирмы существуют, которые заинтересованы в том, чтобы участвовать в этой программе, или какие-то другие опробованные уже пути.

— **Может быть, программа городской поддержки строительного бизнеса. Это нормально.**

— Да и получилось так, что при выборе новой площадки сработали те крючки, камни подводные, те омуты, о которых мы всё время говорили. Мы говорили, что экологическую проблему нужно исследовать и понять, что действующий комбинат продолжает технологические выбросы и сбросы. Что там над рекой Течей находится 400 миллионов кубометров жидких радиоактивных отходов, которые так или иначе, наземным путём или подземным, с миграцией попадают в Течу, и река продолжает загрязняться. И значит, это место, которое будет загрязняться ещё многие века. То есть там не работает тезис «через 30 лет все распалось, стало чисто». Подобная кампания сейчас ведётся в отношении новой областной администрации, которую достаточно успешно убедили в том, что предприятие «белое и пушистое», больше не загрязняет, а эти старые грехи уже потеряли свою экологическую остроту, потому что... распалось. Ну, во-первых, если мы будем говорить о распаде, то 30 лет — это период полураспада. Период полного распада, это 10 периодов полураспада, это значит, триста лет. А трагедия, которая началась на Тече 60 лет назад, ещё будет длиться 240 лет. Это ещё по меньшей мере 10 поколений жизни. 10 поколений жизни на той территории с медицинской точки зрения, это «а» — аморально. Потому что очень похоже на медицинский эксперимент, а «б» — это просто преступно. Потому что уже сегодня суще-

ствуют медицинские данные о лавинообразном обрушении жизнеспособности клетки. Называется это таким мудреным словом «апоптоз*», когда клеточки начинают «сыпаться», и как раз на десятом поколении существует такая опасность, что эта популяция потеряет свою абсолютно жизнеспособность, она существует. Эта информация сегодня широко обсуждается в медицинских кругах. Но она не выходит на уровень лиц, принимающих решение. Потому что — и дальше мы снова бросаем взгляд в прошлое — потому что, когда образовывался Минсредмаш...

— ...предшественник Росатома.

— Да. Рядом с ним в Министерстве здравоохранения образовался абсолютно секретный медицинский Третий Главк. Который так же, как и Минсредмаш, был министерством в министерстве, так же и Третий Главк был тоже министерством в министерстве, только здравоохранения. И он аккумулировал и контролировал информацию, связанную со здоровьем как жителей атомных городов, так и пострадавшего населения. Ну, не только атомных, там и биологическое оружие, и химическое оружие. То есть Третий Главк до сих пор распространяет свою компетенцию на вот эти ограниченные сообщества людей, которые соприкасаются с очень опасными агентами. И эта информация обсуждается внутри научного сообщества, но она не трансформируется в рекомендации для управления. Что меня больше всего волнует, поскольку я, уже задавая вопрос, почему так произошло, и в поисках корней того, что происходит, стала заниматься управлением. И я могу сказать, что информация, которая накапливается в научном сообществе, не трансформируется в сигналы для лиц, принимающих решения. Решения, принятые в условиях отсутствия этой информации, наносят вред, они не работают как социально оправданные или социально ожидаемые. Последствия этих решений вызывают ещё большие ошибки. И система идет в разбаланс. Потому что она не разрешает вопросы, а сильнее загоняет вглубь и множит. Вот так же происходит с выбором территории для Новомуслюмово. Потому что это площадка в 5 или 3 км от реки Теча. Остаётся встроенная проблема выпаса скота, потому что это сельское поселение и люди пользуются продуктами животноводства. И остаётся проблема заготовки сена на зиму. Поскольку в пойме всегда трава сочнее. И люди к этому привыкли. Это ещё и стиль жизни. Радиация, к сожалению, не изменяет окружающую среду. Это не химия, которая «воняет» и отпугивает. Радиация, наоборот, способствует тому, что наипростейшие биологические виды получают бурный рост, зелени там гораздо больше. Это неважно, что умирают более сложные. Там идёт селекция. Там зелёная масса, простейшие, фитопланктон, флора, фауна — всё это продолжает существовать. Не отпугивает. У человека нет встроенных сигналов на опасность радиации. Мы поэтому

* Апоптоз (греч. — опадание листьев) — явление программируемой клеточной смерти.

можем говорить, что человечество как вид несовместимо с радиацией, потому что мы эту опасность не...

— *не ощущаем, у нас нет для этого специальных рецепторов...*

— Да, не тестируем. И поэтому, если эта опасность существует, а она действительно существует, и мы знаем об этом. Это те, кто знает, а знание аккумулируется в узком, «жреческом» кругу, и он не заинтересован в том, чтобы эта информация широко распространялась, потому что она влияет на источники их дохода. И на сферу их исследований.

— *Помехи и для первого и для второго...*

И мы с этим столкнулись ещё в начале 1990-х, когда мне прямым текстом представители института биофизики говорили, что я мешаю им налаживать их международные контакты. Ну и вот, этот посёлок выбран в опасной близости от реки Течи. На момент начала строительства. И буквально в этот же год, началось строительство, а поздней весной было предписание санитарного врача о необходимости немедленного закрытия скважин питьевого водоснабжения, потому что в них обнаружили те субстанции, которые соответствуют, как бы предшествуют, поступлению жидких радиоактивных отходов в источник. Там есть определённые...

— *маркеры...*

— Да, перед тем, как туда пойдёт сама радиация, поступают определённые химические соединения. Эти химические соединения сигнализируют о том, что потоки уже идут, ну и там уже в некоторых скважинах был повышенный уровень содержания альфа-нуклидов и бета-радиации. У нас же ещё одна сложность. Готовясь к войне, Советский Союз разрабатывал технику, которая тестирует гамма-излучение, а химическое предприятие, оно выбрасывает другие излучатели: альфа и бета-. Они гораздо труднее тестируются, и нет соответствующего оборудования. И никто не заинтересован, чтобы такое оборудование появилось, было распространено. И у жителей до сих пор нет дозиметров. Это великая редкость, они есть только в общественных организациях. Вот 60 лет загрязнена территория, и за 60 лет государство не обеспечило людей этими искусственными сенсорами. Ведь если нет естественных, должны быть искусственные. Дозиметр — это искусственный сенсор, который должен стать, ну, просто принадлежностью каждого человека, который там живёт. Пошёл он на речку, у него должен быть дозиметр, который его предупредит: «Вот, дальше не ходи!»

Или здесь не садись, там не рыбачь, сюда корову не води больше. Этого всего нет. И это просто нонсенс управленческий.

— *Это серьёзный просчёт на грани преступления.*

— Да. И вот такая хорошая, позитивная инициатива вновь обнаружила скрытые глубокие застарелые конфликты и...

— *...пороки.*

— Пороки этой системы в Челябинской области. Но понимаете, если бы мы знали так много о Челябинской аварии, как мы знаем сейчас, может быть, не было Чернобыля. Или по крайней мере, всё, что было в Чернобыле, решалось бы иначе.

Игнорирование системой подобных знаний обрекает её на повторение ошибок и на их воспроизводство.

25-летию Чернобыля

Со 2 по 26 апреля международное экологическое сообщество объявило акцию «25-летию Чернобыля — 25 дней активных действий». Она проводится в память о жертвах 25-й годовщины Чернобыльской аварии, «это 25 лет лжи со стороны ядерной промышленности и властей», — так оценивают ситуацию организаторы.

Акция включает мероприятия, направленные не только на осуждение ядерной промышленности, но и на поощрение альтернативной энергетики. Организаторы предлагают зарегистрировать все события, проходящие в рамках акции, на специально созданном сайте www.chernobyl-day.org. В прошлом году здесь было отображено 237 действий в 19-ти странах. Контактное лицо акции, французская экологическая активистка по имени Шарлотта, в 2011 году предлагает: «Давайте отправим настолько сильный сигнал, чтобы оставить ядерную энергию позади!»

Контакт: charlotte.mijeon@sortirdunucleaire.fr

тел: 03 20 17 94 91

Мобильный: 06 75 36 20 20

www.sortirdunucleaire.org

Вместо послесловия

Лауреат Нобелевской премии Вангари Маатаи призвала к постепенному отказу от атомных реакторов и ликвидации ядерного оружия на глобальном уровне. Заявление вместе с 49 другими лауреатами премии «За достойный образ жизни» (Right Livelihood Award) и членами Всемирного Совета Будущего отмечает опасную природу ядерных материалов для людей и окружающей среды. Лауреаты премии, также известной как Альтернативная Нобелевская премия, призвали страны к поэтапному отказу, отмене и замене таких технологий на альтернативные, которые не угрожают нынешнему и будущим поколениям. Среди подписавших заявление — Александр Лихоталь, президент Международного Зелёного креста, активист-эколог Вандана Шива, Ашок Хосла, сопresident Римского клуба из Индии, Мод Барлоу, консультант ООН из Канады, Хавсат Абиола-Костелло, правозащитник из Нигерии, один из основателей Всемирного социального форума бразилец Франциско Уитакер Феррейра.

<http://www.nation.co.ke/News/Grave+danger+in+nuclear+power+//1056/1142244//d74pub/>

Что принесет нам волна, накатившая на многострадальную японскую землю, оставившая десятки тысяч жертв, сотни тысяч страдающих, посеявшая ужас и тревогу в миллионы сердец? Будут ли приняты взвешенные и мудрые решения? Научит ли нас произошедшее извлекать уроки из трагедий...

Сегодня в японской столице не только дефицит горючего и аншлаг в авиакассах, другой самый раскупаемый японцами товар — дозиметры. И вот здесь, прежде чем разрабатывать дальше тему «мирного атома», стоит вспомнить слова Натальи Мироновой о том, что у жителей Челябинской области на территориях, более полувека назад пострадавших от радиационной катастрофы, сопоставимой с происходящим сегодня, до сих пор нет дозиметров.

Зато у всех нас есть перспективы получить по соседству несколько ядерных объектов... Включая плавающие атомные станции.

15 марта 2011 г.

P.S.: Пока статья готовилась к печати, на АЭС Фукусима произошли события, которые сравнивали уровень аварии с Чернобыльской, 25-летие чьей недоброй памяти мы отмечаем в нынешнем апреле.

ОБЩЕСТВО, ПОЛИТИКА, ВЛАСТЬ

Валерий Сендеров

Россия и Змий

Нет. Не собираюсь я хохмить и балагурить. Из хохмочек на эту тему можно составить тома. И нет у меня желания подшивать к ним свою страничку.

И не буду я присоединяться к людям серьёзным. «Мы не пьём, не пьём, не пьём! Мы не хуже других!» — мрачно бухают они о стол статистическими книжками. Словно статистика хоть что-нибудь доказывает. И словно быть «не хуже» — великая для России честь.

Хуже или не хуже, но есть всё-таки у нас своя специфика. Умеют русские отшатнуться вдруг от безобразий своих — неожиданно и резко. И знает история случаи, когда пьянство мгновенно исчезало на Руси. Не «статистически» исчезало. А сущностно: по внутреннему народному существу. Вот два таких примера.

На масленицу 1861-го петербургские откупщики припасли солидные запасы водки. Резко большие обычных, и всегда немаленьких на последний день перед постом. В небывалый праздник Освобождения (все как всегда всё знали: и про Манифест, и про предстоящее обнародование его) — народу и погулять предстоит небывало!

Не оправдался расчёт. Петербургские мастеровые не пожелали портить пьянством Праздник. Двадцать тысяч фабричных собрались на площади перед Зимним — и полиция была безработной в тот день.

«Мы пришли благодарить Тебя за права гражданские... Мы знаем, Государь, что, получая новые права, мы должны принять на себя новые обязанности, и обещаем Тебе соделаться достойными великого дара...» Так говорилось в адресе, преподнесённом рабочими Царю неделю спустя. Так начиналась история русского пролетариата. Столь ловко украденная у нас, что мы и посейчас ничего о ней не знаем.

И ещё был момент одушевляющего подъёма, все сословия ненадолго слились в нём. При начале великой войны наступил «великий сдвиг в народной жизни: Россия перестала пить. Прежде в праздничные дни на площадях и улицах господствовал образ звериный: слышались дикие, нечеловеческие крики, совершались оргии, из коих рождались преступления, и на пьянстве народном основывался самый наш бюджет. Как

могла пьяная Россия взяться за великий подвиг религиозного служения!

К великому нашему счастью, и от этого зла избавил Бог Россию. Пьяных мы поприбрали, кабаки мы закрыли, а пьяный бюджет, осуждённый с высоты престола, провалился навсегда!» (Е. Трубецкой). Так свидетельствуют современники-очевидцы.

*О слава, о сила прекрасная
Родимой страны!
Какая уверенность ясная
В исходе войны!*

Но уверенность оказалась недолгой. Потекли окопные будни. И не дано людям одним лишь служением жить в повседневной пыли. Целей же войны не знал никто — рациональных, земных целей. А пропаганда работала, работала... Она знала психологию масс. И сознательно ставила на подъём. Уже на другой, на новый...

Обо всём этом я мог, конечно, лишь читать. А теперь кое-что из собственной памяти. Переносит она меня в незабвенные семидесятые. В блаженные, по сегодняшней легенде, золотые времена. Стабильности. Застоя. Порядка. Коих бывали, конечно, и хуже на Руси. Но которых не было — подлей.

Был в районе моём, на нынешней Мясницкой улице, винный магазин. «Три поросёнка» в просторечьи. (Что это значит? — читателям возраста за сорок не надо объяснять. А кто моложе, пусть у отца спросит.) Рядом же с магазином было кафе. Кафе «Стаканное». И это объяснить, пожалуй, стоит.

В этом кафе на стойке была какая-то пища. Но никто никогда её не ел. Да и не рекомендуется есть трёхмесячной давности бутерброд с колбасой. Кафе, однако, процветало. Торговало оно... стаканами. Точнее — выдачей их напрокат. В кафе беспрерывно заходили очередные *трое*. Брели стаканы. Говорили: «Спасибо, мать» (народ при социализме был вежливый). Разливали. Крякали... Потом возвращали стаканы — с пустой бутылкой впридачу.

А поздно вечером труженики общепита, кряхтя, вытаскивали с работы огромные мешки бутылок.

И впрямь идиллия. Как вспомнишь — хоть в КПРФ вступаешь... Но была это новая страна, и новый народ. И под водительством КПСС народ этот с пьянством permanently боролся.

Заходим мы раз с коллегой в «Стаканное». Никого! Пицца лежит, разумеется. Стаканы стоят. Мамаши виновато разводят руками. «Не положено... Не даём...» Что ж? Пришлось идти в соседнюю подворотню. Известную в обществе как ресторан «Сквозняк».

Суровая это вещь — борьба народа с Зелёным Змием...

Но сунулись мы в «Стаканное» через месяц-другой. «Куда же вы, мальчики, подевались? — укоризненный был сразу вопрос. — Заходите. Я вам всё выдам». Смотрим — опять коромыслом дым. Неопределённых лет дама, тщетно попытавшись приземлиться на стул, бухается об пол.

Проиграл, похоже, народ. Восторжествовал опять Змий. Хоть он и не «под руководством»...

А память движется, движется — и вот уж 1986-й на моём мысленном календаре. В этот год сидел я уже не в стекляшке. А в чистопольской тюрьме. Хорошо сидел! Книги читал богословские, математикой занимался. После моего двухлетнего карцера поубавилось желающих меня воспитать. И пришли товарищи, методом, как говорится, проб и ошибок, к единственно разумной линии: сидел бы тихо. А я, кстати, и не против был. Что от стенки до стенки «политикой заниматься»?

Так был достигнут консенсус. Мне — книги, переписка, отдельная камера. Им — обещание: надумаю рыпаться — прежде предупрежу. Обе стороны довольны.

Но вот к власти пришёл новый генсек. И опять стал народ, теперь уж под водительством Нового, — со Змием бороться! А я из своего Чистополя за борьбу их с интересом и удовольствием наблюдать.

Переписка-то ко мне пропускается. Конечно, никакой недозволенной информации всё равно не пройдёт. Но кто ж знает, дозволена она или нет: информация о народе и Змие?

И стали товарищи письма о борьбе — пропускать. Со всем содержащимся в них фольклором богатым. «На красный террор ответим белой горячкой!» «Не дадим занести Зелёного Змия в Красную книгу!» Ох и мудр наш народ... «От безалкогольной свадьбы — к непорочному зачатию!» Кошунство, конечно. Атеизм... Но что делать: непорочное зачатие и праздник без водяры — одинаковые, по суждению народному, чудеса.

«Ну как там народ? Как Змий? Кто кого?» — живо интересовался я при встречах с чекистами. Чины натянуто улыбались...

Если же серьёзно... Ведь кампанией той Горбачёв навсегда себя и погубил. Вспомним всё, потрясём память. «Боруха Эльцина» толпа ненавидела. «Горбача» же — презирала. Что для политика — окончательная смерть. Не буду уж вспоминать анекдоты про Мишку, поллитру да Раису Максимовну. Дубоватые анекдоты. Но уничтожающие. Смертельные.

И вот сегодня — опять...

Нет, я не так уж плохо отношусь к нашей власти. Могла бы она и гораздо хуже быть. Никто бы, как говаривал Пушкин, этого и не заметил. Но я просто — не понимаю её. Глупо спрашивать, почему власть безнравственна. Почему корыстна. Но почему же, Змий её подери, она опять действует себе во вред?

Ответ я неожиданно нашёл у Ивана Алексеевича Бунина.

«Был у нас приятель, бедный человек, вдруг купивший однажды на последние гроши заводную металлическую канарейку. Мы голову сломали, ища объяснения этому нелепому поступку, пока не вспомнили, что приятель наш просто ужасно глуп».

Игорь Иванов

«Десталинизация» — 2011

В Российской Федерации громогласно объявлено о намерении властей рассмотреть в 2011 году вопрос о «десталинизации» — преодолении последствий тоталитарного режима в сознании общества.

Безо всякого преувеличения можно сказать, что за последние 93 года для нашей родины не было и нет более актуального, жизненно важного вопроса, чем этот. Но готов ли президентский Совет по развитию институтов гражданского общества и правам человека поставить этот вопрос с должной решимостью? И готовы ли сами власти РФ рассматривать проблему преодоления последствий тоталитаризма всерьёз?

В 1991–1992 годах Россия, казалось бы, уже имела исторический шанс навсегда покончить с наследием

тоталитарного режима и вернуться на естественный исторический путь. Увы, усилия властей, громко провозгласивших себя «демократическими», оказались направлены вовсе не на спасение народа от последствий партийной диктатуры.

Напротив, «новая» элита приложила немало сил для спасения... самой коммунистической номенклатуры и КГБ, для сохранения за этими двумя группировками политической и финансовой власти. Ради этой цели правящая элита пошла на новые преступления, вплоть до раздела Советского Союза республиканскими партийными кланами. С помощью КГБ коммунистическая и комсомольская номенклатура создала в РФ самую отвратительную, самую извращённую форму капитализма — чекистско-олигархический, красный «капитализм». Последствиями стали усиле-

ние кровавых межнациональных конфликтов, окончательный развал экономики, вооружённых сил, ограбление, обнищание и прогрессирующее вымирание народа...

Всего этого можно было избежать, решительно и последовательно проведя в 1991 году демонтаж коммунистического режима. Для этого не требовалось никакой «охоты на ведьм», коей так запугивали обывателей. Но преступления «ведьм» необходимо было осудить. И запретить их деятельность, ограничить в гражданских правах (люстрация), дабы лишить возможности и дальше разлагать, разворовывать и разваливать.

Однако, вопреки звучащим со стороны народа требованиям, «демократические» власти не только не осудили, но прямо укрыли КПСС и КГБ от какой-либо ответственности, создав условия для продолжения их деятельности. Произошло это отнюдь не по недомыслию. Первый президент РФ Б. Ельцин публично признал, что он и его окружение сознательно не позволили осудить преступления коммунизма и превратить «суд» по делу КПСС в Нюрнбергский трибунал, хотя, по признанию того же Ельцина, для этого «*фактов и страшных свидетельств было достаточно*»...

В результате и сегодня, почти двадцать лет спустя, Россия не может оправиться от последствий тоталитарного рабства. А под грузом коммунистического прошлого и чекистского настоящего страна лишена положительных перспектив в будущем.

Никакие «модернизации» не смогут вытянуть её из затаившегося политического, экономического и духовного кризиса, если только не произойдёт избавления страны от смертоносного наследия. Организм, поражённый раком, не «модернизируют», его спасают, избавляя от злокачественной опухоли!

Начиная с августа 1991 года, псевдodemократический режим РФ упорно сопротивляется попыткам поставить вопрос о ликвидации метастазов тоталитаризма. В результате сложилась ситуация, при которой русские патриоты добиваются сегодня осуждения коммунизма через международные организации (см., например, открытое письмо «Русские — в поддержку международного осуждения коммунизма»), а власти РФ в союзе с коммунистами противодействуют антикоммунистическим инициативам как русской, так и международной общественности. Достаточно вспомнить недавние позорные демарши РФ в Парламентской Ассамблее Совета Европы. Показательно, что кремлёвские «демократы» и КПрФ, провозглашающие себя политическими оппонентами, до сей поры дружно объединялись и выступали единым фронтом, как только над ними нависала опасность осуждения коммунизма...

И вот теперь, после долгих лет молчания и саботажа со стороны Кремля, раздались голоса о якобы заинтересованности властей в преодолении коммунистического наследия. Ой ли?

В РФ привыкли к тому, что режим начинает бурно симулировать антикоммунистическую деятельность в двух случаях:

1) когда это необходимо для восстановления «демократического имиджа» в глазах Запада;

2) когда это необходимо для удержания власти в критические моменты социальных потрясений или выборов.

Что на сей раз? Похоже, что и первое, и второе. А в том, что вновь имеет место не реальное дело, а очередная *политическая симуляция*, не приходится сомневаться.

Председатель президентского Совета по правам человека М. Федотов в одном из своих выступлений — как бы заранее извиняясь и успокаивая коммунистов — заявил, что не намерен приравнивать преступления коммунизма к преступлениям германского национал-социализма, что Совет не предполагает запрещать бывшим членам КПСС работать госслужащими, не планирует запрета коммунистической символики и тому подобных мер.

Но тогда как же господа президентские советчики предлагают «преодолевать последствия тоталитарного режима»? Оказывается, речь они ведут «об установке памятников жертвам, о создании мемориальных комплексов, о повышении размеров компенсаций жертвам политических репрессий, и так далее...»

И только-то?! Конечно, перечисленным предложениям можно было бы поплодировать (особенно году этак в 1990-м!), но всё это лишь частные, второстепенные меры, озвученные ещё при Ельцине, но никак не решающие главного вопроса — юридического признания КПСС и её карательных органов преступными организациями.

А потому предлагаемые меры можно уподобить действиям врача, который вместо необходимой срочной операции ограничивается... выписыванием больному витаминов и таблеток от температуры. Витамины — это хорошо, а выписывание рецепта даже демонстрирует некую «деятельность» лекаря, но ведь с таким «лечением» болезнь будет только прогрессировать! Так же обстоят дела и с преодолением последствий коммунистического тоталитаризма — полумеры здесь не помогают, а, в конечном счёте, лишь усугубляют положение.

Называть подобные косметические действия «преодолением последствий тоталитарного режима» могут либо уж совсем политически близорукие люди, легко заглазывающие любую пропагандистскую наживку, либо явно или тайно работающая на поддержку гебистского режима агентура.

Сам термин «десталинизация», широко употребляемый членами президентского Совета в средствах массовой информации, наводит на мысль об их нерешительности и крайней узости ставящихся задач. Ведь десталинизация, как известно, уже была проведена самой коммунистической партией в 1956 году, после XX съезда КПСС. Как, для чего, с какими результатами проводилось осуждение сталинизма — известно.

Сегодня нужно не отбрасывать страну к пятидесяти шестому году прошлого века, повторяя зады XX съез-

да, а идти в будущее. Не «десталинизаций» ждёт Россия, а полной и безоговорочной декоммунизации со всеми вытекающими последствиями, включая **обязательные** люстрации, реституцию, запрещение деятельности коммунистических организаций, коммунистической пропаганды и т. д.

Но именно этого смертельно боятся власти «Путинской России». Ведь политическая система РФ — порождение и преемница системы коммунистической, а нынешняя правящая «элита» — не что иное, как вчерашняя номенклатура КПСС, КГБ, ВЛКСМ и их подросшая поросль.

А потому, последовательно проводя курс на преодоление последствий тоталитарного режима, необходимо демонтировать не только формальную компартию, но и всю сегодняшнюю уродливую политическую систему красного «капитализма», распустить КГБ-ФСБ, отстранить от власти всю нынешнюю паразитическую чекистско-олигархическую «элиту».

Ибо именно в этой системе — наследнице и продолжательнице антинационального курса КПСС — и заключается наиболее опасное наследие тоталитаризма. Именно в ней, а не в каких-то там памятниках Ленину и советских названиях, кроется сегодня причина страданий русского народа, в ней корень политического загнивания и экономического увядания страны.

У политического же руководства РФ — а это сегодня сплошь чекисты, коммунисты, их выдвиненцы и высокооплачиваемые марионетки — нет никакого стимула для того, чтобы реально работать над преодолением наследия тоталитаризма, иначе преодолевать и судить им пришлось бы и самих себя!

Результат предсказуем. Третья по счёту «десталинизация», если только Кремль решится разыгрывать эту краплёную карту, выльется в мелкие уступки-поддачки крупных политических фальсификаторов и обернётся позорнейшим провалом. При этом стареющая и хиреющая КППРФ получит лишь новый импульс для саморекламных криков, рассчитанных

на наиболее исторически и политически малограмотные слои населения.

Следует сказать и ещё об одной «новаторской» идее президентского Совета по правам человека — национальном примирении. Увы, уже проходили и это... Замечательный лозунг национального примирения был с помпой провозглашён ещё при Ельцине. И тогда же дискредитирован по всем статьям. Напомним, что 1997-й год в РФ даже объявляли «Годом примирения и согласия», создавались тогда и специальные «Комиссии по примирению»... Но кто заседал в этих комиссиях, кто и с кем в них «примирялся» — всё это покрыто туманом неизвестности. А вот деньги, отпущенные «на примирение», чиновники доблестно «освоили». Неудивительно, что российское общество после такого «примирения» окунулось в ещё большие политический раскол и взаимную ненависть.

Иначе и быть не могло. Ибо никакими президентскими декларациями примирения в обществе ввести нельзя. Нужно, чтобы для этого созрели политические условия и наличествовала политическая воля.

Подлинное национальное примирение возможно только после осуждения преступлений тоталитарного режима против народа. И покаяния. Причём покаяния, выраженного не словами, а конкретными делами по ликвидации последствий преступлений. А для этого во главе процесса должен стоять не вчерашний «вооружённый отряд партии» и симуляторы демократии, а национально и государственно мыслящие люди, незапятнанные сотрудничеством с антинародным режимом, обладающие трезвым политическим сознанием, гражданским мужеством и политической волей.

В руках же чекистов и их марионеток всякие кампании по «примирениям» и «десталинизациям» могут носить только косметический, заведомо пропагандистский характер, направленный не на достижение провозглашаемой цели, а на укрепление существующего режима.

Григорий Амнуэль

Десоветизация против десталинизации

Начну с того, что все мы этого ждали долго, даже слишком долго, почти целый век. Ждали, когда улицы городов и сёл украшали лозунги «Мы говорим Ленин — подразумеваем Партия, мы говорим Партия — подразумеваем Ленин», «Да здравствует товарищ Сталин (Хрущёв, Брежнев и т. д.), верный продолжатель дела и учения великого Ленина». Ждём и сейчас, когда лидер нации утверждает, что главным трагическим событием XX века является не 1917, или 1937, или 1941, или любой другой «счастливый» год советской тирании, а 1991. Год, когда её, тирании, хоть ненадолго — не стало, и её незыблемые лозунги и часть монументов убрались с наших улиц.

Так что произошло? Комиссия при Президенте России во главе с бывшим министром ельцинского призыва М. Фёдоровым разработала план программы по «десталинизации» общества, точнее, даже не план, а только предложения по его осуществлению. Ну, казалось бы, что тут такого: ведь мы только что отметили годовщину хрущёвского доклада на ту же тему, так зачем сейчас возвращаться к ней? Увы, нужно! Необходимо для будущего страны! Однако, боюсь, что, как и тогда, в конце 1950-х годов, и сегодня, в 2011-м, это полумера. Уверен, обществу во имя его будущего нужны не полумеры, а окончательные меры. Сведение проблем ре-

лизации коммунистической идеи к неправомерным действиям только одного Сталина или группы его приспешников — неверно и, более того, вредно по своей сути. Действительно: чем Сталин лучше или хуже своих предшественников Ленина, Дзержинского Свердлова, или своих последователей Ягоды, Ежова, Берии, Багирова, Хрущёва, Брежнева, Андропова, Берута, Герека, Димитрова, Живкова, Пика, Ульбрихта, Чаушеску, Ярузельского, Свободы, Мао Цзэдуна, Кастро, Пол Пота, Милошевича, и даже самого товарища Горбачёва (для тех, кто не понял, как он сюда попал, напомним про первомайскую демонстрацию в Киеве после Чернобыля, напомним Алма-Ату, Баку, Тбилиси, Ригу, Вильнюс — которые, с моей точки зрения, ничуть не лучше, а по жертвам и более внушительны, чем Новочеркасск во времена Хрущёва). Заботясь о вашем времени, опускаю иные имена, от Анголы до Эфиопии и Югославии. Разумеется у каждого из них свой список жертв и преступлений, и ещё масса отличий, но задумайтесь, точнее, представьте: если бы в Нюрнберге пошёл процесс «дегиттлеризации» а не «дегитлеризации» и полного осуждения национал-социалистической, фашистской идеологии, в каком бы мире мы сейчас жили, да и жили ли бы? Увы, коммунистическая идея остаётся привлекательной во многих либеральных, левых кругах мирового сообщества, и до тех пор, пока мы, и именно в России, не поставим точку, не расставим всё по полочкам, остаётся большая вероятность появления новых продолжателей дела коммунистической тирании. Нет, я не призываю изъять все тома теоретических изысканий Маркса и Энгельса, в конце концов, в библиотеках можно найти и другие теоретические труды, давно названные утопическими, но вот попытки реализовывать на практике, извините, на живых людях эти теоретические изыскания нужно запретить раз и навсегда как доказавшие свою человеконенавистническую сущность.

В комиссии с М. Фёдоровым собрались не только «отвязанные» демократы, правозащитники и диссиденты, в разработке данного документа самое активное участие приняли такие абсолютные величины нашего «истеблишмента», как С. Караганов и Д. Орешкин. Кстати, С. Караганову в СМИ и больше других досталось, достаточно вспомнить «понедельник Сергея Минаева», где на него обрушились не только Проханов, Анпилов и другие, более молодые и, к счастью, менее известные коммунистические функционеры, но и вседозволенные представители единокороссов во главе с А. Исаевым и С. Марковым. Каких только обвинений в свой адрес не услышал С. Караганов! Думаю, за всю свою долгую политическую жизнь он даже представить себе не мог, что такие, с позволения сказать, слова полетят в его сторону. Воистину, какие дела у защитников тирании, такие и слова. Причём на этом фоне самой замечательной мыслью прозвучало высказывание депу-

тата ГД ФС РФ, единокоросса и политолога Сергея Маркова, между прочим, кроме всего прочего, преподающего в МГУ! Цитата: «Предлагаемый процесс десталинизации нашего общества в настоящий момент направлен против нашего лидера В. В. Путина»!!! Что называется, без комментариев, умри — точнее не сказать, хотя, конечно, каждый вправе прочесть по-своему. Нельзя продолжать пугать технические и научные достижения вплоть до покорения космоса с достижениями коммунизма. Гагарина некоторые иначе как внуком Сталина и не называют, и это оскорбление честному, героическому человеку звучит через 50 лет после его подвига?! Стыдно через 70 лет, когда всё и всем давно ясно, оспаривать Катюнь, голодомор, большой террор и преступления ВЧК-ГПУ-НКВД-КГБ и других «передовых отрядов» тирании. Бесплезно проводить перестройку, нужно расчистить место и строить новое здание — новую, очищенную от преступлений XX века, РОССИЮ.

Так нужен ли нам этот документ и, главное, этот процесс? Нужен, и очень, причём не только как временной процесс, но и как юридический Процесс! И не десталинизации, а десоветизации, а то молодые ученики марковых и иных сурковых, от Якеменко до Бурлиновой, продолжают и будут продолжать «славное» дело своих предшественников, одурманивая умы, искажая историю, фальсифицируя факты, учить одних граждан страны ненавидеть других, воспитывать так, чтобы боевой отряд партии не оскудел своими кадрами.

Разумеется, я ни в коем случае не посягаю на право думать по-коммунистически. Более того, не раз встречал среди коммунистов порядочных, честных людей, поверивших в силу обстоятельств в утопию и отдавших за неё жизнь, но это исключения, большинство примыкающих и встающих в эти колонны одурманены вседозволенностью, вседоступностью и никогда не признаются, что являются обычным политическим мясом, часто во имя идеи становящимся — мясом войны. Среди поверивших в лидера нации в 1933 году в Германии тоже, наверное, были приличные люди, но итог был совсем неприличный. Ещё раз повторю, нужна десоветизация, а не полумера — десталинизация! Хотя, разумеется, и полумера в надежде на полную меру поддерживаем и одобряем (как говорилось в ещё одном старом лозунге).

России — как стране и как обществу — жизненно необходимо как можно скорее избавиться от старой формулы «Народ и партия едины». Нужно, чтобы народ действительно стал НАРОДОМ, а Партия стала — партией, и не более того, неважно, какая — любая, даже самая единая. Только тогда у НАРОДА и у страны РОССИИ появится надежда на НОРМАЛЬНОЕ будущее, на истинное, а не мнимое взаимопонимание с соседями, на общую человеческую ментальность. Хватит изобретать собственный путь на костях и крови сограждан — пора идти нормальным человеческим путём.

Владимир Строгоцкий

Роль гуманитарных наук в связи с переходом на двухуровневую систему образования

Так уж сложилось в России, что во все времена реформ, начиная с периода правления Николая I и вплоть до нашего времени, эти реформы отрицательно сказывались прежде всего на гуманитарных науках и гуманитарном образовании.

Причины этого были как субъективные, так и объективные. Субъективной была та фраза, которую обронил Николай I, стремясь исправить, как он считал, то, что из многих проектов удалось реализовать Александру I, создавшему в России систему классического и, в частности, гуманитарного образования. Николай I заявил: «Мне не нужны умники, мне нужны подданные». Эта фраза и стала главным субъективным фактором всех последующих реформ, особенно в советский период.

Ленин руководствовался этим же субъективным фактором, когда 4 марта 1921 г. издал свой указ, разрушивший всю систему российского классического и прежде всего гуманитарного образования, которая сложилась благодаря Великим реформам Александра II и дала два века Великой российской культуры: золотой и серебряный.

Далее, во времена Хрущёва и Брежнева, когда появился лозунг «Наука должна стать производительной силой», безусловно, гуманитарные науки не вписывались в реализацию этого лозунга. Поэтому резко сократились средства, отпускаемые на их финансирование в противоположность естественным наукам.

И сегодня, в условиях перехода на бакалавриат и магистратуру, этот субъективный фактор, безусловно, присутствует. Властям важнее, чтобы были не думающие умники, а послушные исполнители. Но я бы глубоко заблуждался, если бы не видел и объективных причин, ведущих к ухудшению положения гуманитарных наук. Эти причины действуют не только в нашей стране, но и во всех развитых европейских, и не только европейских, государствах. И корни их уходят ещё в XVII в., то есть в век рационализма.

Быстрое развитие капитализма, основанное на свободе частной собственности и конкуренции, требовало повышения производительности труда. Возникавшие и быстро развивающиеся производства нуждались в новейших технических и естественнонаучных

достижениях и открытиях. Технические и естественные науки всё более отодвигали на задний план гуманитарные науки.

Потребность в развитии технических и естественных наук требовала от властей радикальных изменений и в системе образования. Россия на этом пути была в некотором роде исключением. Во-первых, капитализм развивался здесь медленней, чем в Европе, во-вторых, имело место своеобразие российской системы власти — так называемое просвещённое самодержавие, и, в-третьих, реформы Петра I, Екатерины II, Александра I и II, так или иначе, сделали своё дело. Поэтому мы и получили те самые два века великой и, прежде всего, гуманитарной культуры.

Но не будем забывать, что Россия была исключением из правила. Февральская революция, не будь она прервана Первой мировой войной, захватом власти большевиками и установлением тоталитарного коммунистического режима, привела бы всю Россию к тому, что было характерно и для Европы. И вот сегодня, после падения СССР, Россия подошла к тем процессам, которые в Европе развивались с конца XVIII в.

Итак, это была первая и, безусловно, весьма важная объективная причина, вытесняющая гуманитарное образование на второй план. Другая причина, которая зависела от первой, — это радикальные изменения в системе образования. Как бы горько ни звучала мысль для нас, гуманитариев, но система классического образования, которая существовала в Европе, и у нас продержалась до нач. XX в., не отвечала потребностям экономического и технического прогресса, в котором нуждалось общество. Поэтому и в Европе, и у нас начиная с середины XIX в. началась решительная борьба между классицистами и реалистами.

Классицисты, будучи консерваторами в хорошем смысле слова, настаивали и настаивают на развитии классической системы образования и защищают высокий авторитет гуманитарных наук, думая о высокой культуре общества.

Реалисты, понимая потребности развития производства и всего общества и являясь в этом смысле прогрессистами, настаивали как раз на радикальном изменении системы образования. Реалисты прекрасно понимали, что развитие капитализма, индустриализации, урбанизации и массового производства требовало и массового образования. Классическая система этому, безусловно, препятствовала.

Поэтому вторая объективная причина, отрицательно сказывавшаяся на судьбе гуманитарного образования, — это потребность в изменении системы образования и создании условий для развития его массового характера.

В. М. Строгоцкий — профессор Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. От редакции. В. В. Леонтович в монографии «История либерализма в России. 1762—1914», открывшей серию «Исследования новейшей русской истории», основанной А. И. Солженицыным, говорит: «...Царствование Николая I до 1848 года ознаменовалось большим развитием университетов в России... Происходило это в первую очередь благодаря Уварову, который был при Николае в течение 15 лет (до 1849 года) министром народного просвещения, и благодаря попечителю московского округа по вопросам просвещения графу Строганову». (Издание 1995, с. 167).

Как можно было разрешить это противоречие? Единственный путь — это создание гибкой и мобильной системы образования, для которой главным является принцип постоянного незавершающегося образования для всего периода активной деятельности личности.

Европа шла к этому характеру образования постепенно, причём в условиях развивающейся демократической системы, основывающейся на принципах Гражданского кодекса (Code civile), введённого ещё Наполеоном Бонапартом. Эти принципы и предусматривали прежде всего свободу частной собственности и приоритет частного права над публичным.

Поэтому только в середине 70-х гг. XX в. в Европе началось движение по унификации образования: Советом министров ЕС была принята резолюция о первой программе сотрудничества в сфере образования, а с 1999 г., после подписания Болонской декларации министрами образования 29 европейских государств, это движение стали именовать Болонским процессом.

Единое образовательное пространство, которое строит Европа, достигается за счёт однотипных образовательных циклов: бакалавриат, магистратура, единых или легко поддающихся пересчёту систем образовательных кредитов (или зачётных единиц, которые студенты набирают из предложенного списка).

Уже сегодня около 70% бакалавров работают в мелких и средних фирмах. Примерно половина работающих либо стремятся поступить в магистратуру с целью получить более высокий уровень образования и более престижную и высокооплачиваемую работу, либо получить в магистратуре более глубокие знания по профилю своей фирмы. Но поскольку обучение в магистратуре дорогое, продолжают образование в ней только около 30%, остальные ищут другие пути повышения образовательного уровня.

Задача профессорско-преподавательского состава в системе бакалавриата заключается не в том, чтобы начитывать студентам курсы, а в том, чтобы развивать у них полученные в средней школе навыки умения учиться, находить и понимать полученную информацию, помогать студентам осознавать необходимость постоянного совершенствования своего образования.

Преподаватели должны осознавать, что студенты выбирают курсы, и поэтому немаловажным фактором является, что и как читает преподаватель. Становится очень важным то, насколько преподаватель понимает, какие курсы являются важными и актуальными в той области, в которой он является специалистом, и способен ли он научить этому пониманию студентов, с которыми он работает.

Таким образом, Болонский процесс означает серьёзное изменение самого содержания обучения.

И это касается, прежде всего, нашей системы высшего образования. Сегодня мы учим студентов и нередко заставляем учиться посредством большой системы и других средств. Болонский же процесс предполагает, что студент должен уметь учиться сам под руководством преподавателей.

Болонская система предусматривает три вида программ:

А — обязательные в полном объёме, установленном Госстандартом, и в том порядке, в каком они выстроены, но и в этом случае лекции не должны состоять из прописных истин, либо представлять собой монологическое изложение высоких и сложных теорий. Такие обязательные курсы предполагают семинарские занятия и серьёзную самостоятельную работу студента под контролем преподавателя с теми источниками информации и материалами, которые ему рекомендованы.

В — тоже обязательные программы, но их можно выбрать на I или II курсах.

С — это программы факультативные, которые студент выбирает или не выбирает по своему усмотрению.

Студент составляет свою собственную программу на весь период обучения, посчитав, сколько кредитных часов дадут программы А, и добирая из программ В и С.

Каждая программа имеет свою стоимость, и студент должен набрать 60 кредитных часов в семестр. Но если у студента есть соответствующий потенциал, он может набрать и больше кредитных часов, быстрее продвигаясь с курса на курс.

На Западе обязательных курсов программы А — 30%, а обязательных курсов по выбору программы В 60% — остальные это факультативы.

Западная система в этой ситуации позволяет бакалавру, закончившему, например, бакалавриат по направлению лингвистика, поступать в магистратуру по различным другим направлениям: история, политология, экономика, культурология, менеджмент. В этой связи наш вуз более всего подходит к этой системе, так как у нас на основе лингвистики реализуются все другие направления, которые пока ещё у нас называются специальностями.

В Западной Европе при составлении программ А, В и С активное участие принимают и работодатели. Но это обусловлено именно той самой системой социально-правовых отношений, которая даёт достаточно большую свободу университетам в составлении учебных планов, программ и образовательной политики в целом.

И вот Россия в 2003 г. присоединилась к Болонской декларации, обязавшись сначала в 2010, а теперь уже к 2011 г. воплотить в жизнь основные принципы Болонской системы. В каких же условиях находится система нашего высшего да и среднего образования, в которых мы взяли на себя столь ответственное обязательство?

Во-первых, СНГ — это не Совет Европы, и при той внешней и внутренней политике, которую Россия осуществляет, нам очень далеко до той интеграции между европейскими государствами, а без этой интеграции трудно выстроить унифицированную систему образования между вузами СНГ. У нас такая унификация пока не выстроена между вузами в самой России.

Во-вторых, Болонская система ещё только начала выстраиваться, но далеко не соответствует в полном объёме нормам и требованиям Болонской декларации.

В-третьих, менталитет студентов и преподавателей очень консервативен. Это обусловлено опытом, традициями и общественно-политическим состоянием не только последних десятилетий, но и целых столетий.

В-четвёртых, в силу отмеченных выше причин консерватизм у нас укоренился и в системе образования. Поэтому у студентов, к сожалению, нет ясного понимания, почему, для чего и как нужно выбрать курсы, необходимые им для дальнейшего образования и их будущего рода деятельности. Преподаватели далеко не всегда способны быстро реагировать на вызовы времени и отказаться от устоявшихся и устаревших схем, методов и способов учебной и научной работы. Поэтому в нашей высшей системе образования 80—90% — это обязательные курсы. Курсы по выбору — это оставшиеся 10—20%. 50% учебного времени, отводимого на самостоятельную работу, студенты по большей части для учебных целей не используют совсем. Преподаватели же не имеют возможности проверить и проконтролировать, как это время используется студентами именно в учебных целях. Семинары, предусмотренные для обязательных курсов, в силу больших групп студентов (25—30 чел.) не позволяют эффективно контролировать самостоятельную работу.

Наконец, необходимо отметить и те трудности, с которыми уже встречаются бакалавры, а они будут

ещё более серьёзными в будущем трудоустройстве и планировании своей деятельности. Как уже отмечалось, в Западной Европе, 70% бакалавров устраиваются в мелкие и средние фирмы и только 30% продолжают учёбу в магистратуре, причём обучение в магистратуре для 15—20% магистрантов оплачивается самими фирмами. У нас же высокий уровень коррупции в обществе не позволяет бакалавру найти место работы, соответствующее его направлению, с достойным уровнем зарплаты.

Итак, каковы же роль и значение гуманитарных наук в этих условиях при переходе на двухуровневую систему образования? Конечно, чтобы абитуриенты были способны учиться в этих условиях, соответствующая учебная и воспитательная работа должна быть проведена в средней школе. Но та реформа, которая проводится в средней школе, имеет совершенно другие цели, и ожидать, что высшая школа получит абитуриентов, способных учиться в условиях двухуровневой системы образования, не приходится. Поэтому, как и раньше, именно вузам придётся формировать эти навыки у студентов I и II курсов.

Именно поэтому, как и прежде, основная нагрузка этого рода выпадает на преподавателей гуманитарных наук, работающих на этих курсах, необходимо в первую очередь перестроить содержание курсов, читаемых по программам А и В, разработать новую систему тестов, разработать программы эффективного контроля за самостоятельной работой студентов.

МОСТЫ ИЗ ПРОШЛОГО

Игорь Чубайс

«Историческая Россия» против «России вне времени»

К 150-ЛЕТИЮ ОТМЕНЫ КРЕПОСТНОГО ПРАВА

Размышления о крестьянской реформе привели меня к выводу, с которого я и хочу начать: **мы живём в государстве, не признающем историю**, в государстве, которое обладает колоссальным историческим опытом, но постоянно его игнорирует, время от времени акцентируя внимание на отдельных событиях прошлого, переинтерпретируя другие события, отрицая и замалчивая существование третьих событий. Советско-постсоветский режим не позволяет выстроить общую и целостную картину истории потому, что не способен извлечь из нее уроки. Потому, что нынешняя форма существования государства не совместима и противоречит истории нашего Отечества. Досоветская Россия была творцом и участником мировой истории. Советско-постсоветское квази-государство существует вне истории.

Очередным индикатором нынешнего социально-политического вневременья стало требование министра образования исключить историю из школьной программы. Иначе было в России досоветской — в год крестьянской реформы на первый курс историко-филологического факультета Московского императорского университета поступил Василий Ключевский, слушавший лекции Сергея Михайловича Соловьёва. Имена этих величайших историков остаются символами русской гуманитарной мысли.

Итак, на чём построено утверждение, что после большевизского переворота мы пребываем вне времени? Попробую обосновать это тезис, представив три сюжета. Обратимся к теме крестьянской реформы.

Сюжет первый. Как мы понимаем крепостное право

Начну с небольшого, но существенного пояснения.

В силу ряда обстоятельств, моё освоение истории происходило в порядке, обратном общепринятому. То,

что я изучал в советской школе относительно российской истории, осело у меня неглубоко и сводилось к «сухому остатку» про «убогую, забитую, невежественную, лапотную, дремучую и т.д.» Россию. Помнится, во время Перестройки возникло множество неформальных движений и объединений, было и Движение за возрождение России. Тогда я никак не мог понять — что же надо возрождать из отсталого царского государства? Через год после распада СССР я отошёл от гражданской активности — мне казалось, что все политические вопросы решены, мы живём в свободной стране, — и вернулся к научной работе, решив заняться разгадыванием тайн и смыслов российской цивилизации.

Я начал изучать историю страны с чистого листа и, слава Богу, первой попавшейся мне книгой стали «Общедоступные чтения о русской истории» С. Соловьёва. Эта небольшая работа меня перевернула. Я понял, какой великой страной была историческая Россия, как чудовищно её образ искажался и фальсифицировался ленинским обществоведением. С тех пор я прочитал множество текстов, написанных до и после рокового октября. Но всё, что «написано после», для меня вторично, оно пропускается через фильтр русской науки. Многие нынешние авторы, увы, находятся в противоположном положении — и они, и их учителя воспринимают русскую государственность через ценз большевицкой идеологии, фактически не устранявшейся из системы образования (в постсоветской школе, в отличие от других стран, люстрация не проводилась)...

А теперь вернусь к вопросу — как мы понимаем крепостное право? Выделю несколько типичных заблуждений.

Многие выпускники школ уверены, что доля подневольных в 1861 году составляла никак не меньше 90% населения. На самом деле их было чуть больше четверти, точнее — 28% всех жителей страны. В той или иной форме крепостное право существовало и в других европейских странах, например, в Австро-Венгрии, и Россия вовсе не была здесь каким-то исключением.

Крепостное право совершенно некорректно отождествлять с рабством, которое у нас не практиковалось. Крепостной имел свой дом, приусадебный участок, семью. Со времён Северной войны крепостные должны были платить налог в госказну (рабы налоги не платят!). Добавлю факт, который никак не хотят запомнить чернителю собственной истории, — рабство в Америке было отменено на два года позже, чем крепостное право в России.

Важно учитывать, что в экономическом плане крепостное право (в отличие от колхозной системы) было вполне эффективно, оно кормило и могло и дальше кормить страну. Добавлю, что крепостные крестьяне у нас, об этом пишут русские историки Вишнякова и Пичета, «были более счастливыми», чем свободные — на западе. Ибо свободные были безземельными и превращались в бесправных батраков. В отличие от них, наши крепостные формально не имели землю

в собственности, но фактически воспринимали ежегодно обрабатываемый участок как свой. Это похоже на квартиры в СССР: жильё было государственным, но на улицу никого не выселяли, и каждая семья воспринимала полученные квадратные метры как свои собственные.

Отмечу ещё несколько особенностей, отличающих реально существовавшее крепостное право от советско-постсоветской мифологии. По действовавшим тогда нормам, помещик, в случае неурожая или иного форс-мажора, обязан был кормить и содержать принадлежащих ему крестьян. Выражаясь марксовым языком, нормой был уровень эксплуатации в одну вторую, т.е. три дня в неделю крестьянин работал на хозяина, а остальные три — на себя. В каком состоянии находится нынешнее «свободное» общество, можно понять из другой пропорции — в 2008 году задекларированный Еленой Батуриной доход был равен среднегодовой зарплате 50 000 российских учителей.

И еще пара штрихов. Со школьной скамьи все советские дети заучивали страшный рассказ про Салтычиху. Как и всё остальное в советской истории, этот сюжет препарировал и цензурировал реальные события. Если представить картину полнее, выясняется, что случай с молодой помещицей был совершенно нетипичным. Дарья страдала от нервного расстройства, полученного после того, как «застукала» возлюбленного ею человека с дворовой девушкой. Беззаконие Салтыковой было пресечено сразу после того, как два крепостных крестьянина смогли добежать до полицейского участка и рассказать о происходящем. Вслед за этим Дарью привязали к позорному столбу, а затем постригли и отправили в монастырь... Можно ли представить, что сегодня кто-то примчится в милицию-полицию и срывающимся голосом сообщит, что у него на предприятии, или в вузе, или в садовом товариществе воруют? Боюсь, что результатом станет не возбуждение уголовного дела против коррумпированной дряни, а отправка странного доброхота в психушку.

Обосновывая сюжет о советской мифологизации крепостного права (сама эта фальшивка оказалась особенно востребованной во времена коллективизации и т.н. борьбы с кулачеством), необходимо учитывать ещё одно важное обстоятельство. Отмена крепости — это не какое-то разовое, эпохально-уникальное событие. В России ещё с конца XVIII века начался процесс освобождения сословий. Закрепощёнными были сами помещики, само дворянство. Офицерский корпус Русской армии состоял из дворян, они обязаны были служить, пока не получали тяжёлое ранение, или до того возраста, когда уже физически были не в состоянии нести воинскую нагрузку. Несколько иными были обязанности дворян — штатских чиновников, но и они не могли отказаться от службы по собственному желанию. Лишь после Жалованной грамоты о вольности дворянства 1785 года, принятой Екатериной Великой, ситуация радикально изменилась. Вслед за этим и другие сословия русского общества, в частности, мещанство и купечество, обретали новые права

и свободы. (А казаки были свободными изначально.) В результате, в те неспешные времена менее чем за 80 лет российское общество освободилось.

Сюжет второй. Почему крепостное право отменили. (Кто учится и кто не учится на уроках истории.)

Пока хранители советской мифологии размышляют над своей картиной реальности, я представлю другой сюжет на тему — *была ли история тогда, и есть ли история сейчас?* Вернусь к вопросу — а почему, собственно, крепостное право было отменено? Вопрос тем более уместен, что чуть раньше я писал об его экономической эффективности. Да, сословия раскрепощались, но почему крестьян освободили в 61-м, а не в 81-м или не в 31-м году? Хронологическая привязанность столь важного решения становится понятной, если видеть его реальный исторический контекст.

А контекст состоял в том, что с начала XVIII столетия, на протяжении почти полутора веков, Русская армия оставалась самой мощной армией Европы. Но после блистательной победы в 1709 году под Полтавой над Карлом XII, вслед за победой над Наполеоном и парадом русских в Париже в 1814 году, спустя сорок лет наша страна потерпела неожиданное поражение в Крымской войне. Конечно, это поражение не было и отдаленно похоже на 1941 год, противник не блокировал Питер, не дошел до Москвы и Волги, но англо-франко-турецкий десант всё же высадился в Крыму и обстреливал Севастополь. Добавлю, что в ходе войны русская эскадра адмирала Нахимова потопила трёхкратно превосходивший её турецкий флот в Синопском заливе. Причём авторитет Нахимова был непререкаем не только потому, что он всегда, когда это требовалось, проявлял личное мужество и героизм. Были и другие причины, младшие чины тогда не строили дачи старшим, напротив, Нахимов почти всё своё жалованье раздавал матросам.

И всё же, несмотря на все эти детали, поражение в Крымской войне было очевидным, в 1856 году России пришлось подписать невыгодный для неё Парижский мир. А после смерти императора, за год до окончания войны, в обществе поползли слухи — якобы Николай I не умер, а отравился ядом, выпрошенным у лейб-медика Мандта. Причем Николай заблаговременно распорядился не вскрывать и не бальзамировать своё тело. Здесь важно не то, что историки сомневаются в достоверности изложенной версии, важно, что общественное мнение XIX века, получая вести о поражениях, не могло допустить, что помазанник Божий на них не реагирует.

А как в действительности реагировала власть на серьёзные просчёты русской политики? Ответом и стала серия реформ Александра II. Не прошло и пяти лет после окончания войны, как крестьяне получили волю, была проведена военная реформа, правовая реформа, университетская реформа. Словом, у России была история, и не только в виде книг Карамзина, Соловьёва а затем и Ключевского, переиздаваемых на протяжении полутора веков (ни один советский

учебник истории сегодня не представляет никакого интереса), но и *как реальная основа для принятия стратегических, государственных решений.* (Заодно хочу похоронить постыдный постсоветский миф «про неуспешность всех российских реформ» — начиная с Ивана III и Петра Великого до Сергея Витте и Петра Столыпина — сколько их было — великих социальных преобразований! Когда же мы избавимся не только от советской топонимики, но и от советской мифологии?!)

А вот сегодня отсутствие истории почти очевидно. 20 лет не существует СССР, в «облако в штанах» превратилось СНГ, но на телеканалах торжествует агрессивная кургиняновщина. Нам постоянно доказывают, что СССР распался в силу чьих-то неведомых происков и едва ли не всё прогрессивное человечество спит и мечтает его возродить. Делать выводы из Великой Отечественной, в отличие от Крымской войны, известный президентский указ вообще не позволяет!

И потому приходится повторять — конечно, мы победили в этой войне, но так и не поняли — **в какой именно**, — ведь СССР начал войну 17 сентября 1939 года в союзе с Гитлером, напав на Польшу, а закончил в 1945-м в союзе с Польшей (уничтожив сначала польских офицеров в Катыни, а затем и бойцов Армии Крайовой!?) и другими помогавшими ей странами коалиции, разгромив Гитлера?

— Да, **мы победили**, но почему Сталин признавал, что «без помощи США и Англии, Советский Союз не выдержал бы напор III Рейха и проиграл бы в войне»? Повторю, это не мои слова, это слова Сталина.

— Да, Сталин победил, причём не только в Великой Отечественной, но и в проходившей одновременно **войне гражданской**. Впервые в одиннадцативековой истории Отечества в ходе войны один миллион человек (а не какой-то одинокий Власов) взял оружие, чтобы воевать с собственной властью. В эту третью силу входили и русские, и представители всех народов, проживавших на территории СССР. Партизанское сопротивление большевизму закончилось у нас не в 1945-м, а в начале 1950-х, причём проходило оно не только в Балтии и на западе Украины, но и в исконно российских областях.

— Да, Сталин победил, правда, в этой войне **мы потеряли больше людей**, чем все наши союзники, наши противники и досоветская Россия за всю свою историю вместе взятые. И это вовсе не помешало скромнице-вождю присвоить себе звание генералиссимуса.

— Да, народ выдержал нечеловеческие испытания и победил, но, чтобы у него не оставалось иллюзий и возможности сопротивляться тоталитарной власти, сразу после войны Сталин организовал **искусственную нехватку продуктов** — дабы победители не взбунтовались — и в 46-м, 47-м годах в стране умер от голода 1 миллион человек.

Великие и величайшие победы были в истории России, но был ли победоносным СССР, если через 46 лет после водружения флага над рейхстагом советское государство рухнуло, мировой социалистический лагерь исчез, мировое коммунистическое движение прекра-

тило существование и сама победоносная **советско-коммунистическая идея умерла?**

Ни через 5, ни через 65 лет после окончания войны мы не получили честные и ясные ответы на эти вопросы. Но, когда мы их все-таки получим, России потребуются трансформации более глубокие, чем преобразования Александра II!

В заключение ещё один сюжет: история — это результирующая от желаний существующих социальных групп или узкая проекция намерений правящего политического класса?

Поискем ответ, сопоставляя три ряда событий — крестьянскую реформу — сталинскую коллективизацию и современное фермерство.

Известно, что Манифест 1861 года был *итогом общественного компромисса*. Дворянство — господствующее сословие исторической России — **добровольно уступило часть своих привилегий и собственности**, а крестьянство обрело личную свободу, соглашаясь с тем, что получаемые земли предстоит постепенно и поэтапно выкупать. Преобразования носили сугубо правовой характер, избранная стратегия укрепляла чувство социальной справедливости, создавала лучшие условия для экономического и политического развития.

Теперь о коллективизации. Сталин загнал десятки миллионов самостоятельных крестьян в несколько сотен тысяч колхозов, чтобы было легче их контролировать и эксплуатировать. *Об общественном компромиссе речь не шла*, а экономический контрэффект был очевиден. Чтобы заставить единоличников вступать в колхозы по всей стране, а не только в Украине, был организован Голодомор, унесший более 7 миллионов жизней. Тот, кто пережил зиму 1932–1933-го годов, весной пополз записываться в коллективные хозяйства. ВКП (б), как горько шутили в народе, — второе крепостное право большевиков — одержало победу.

А что происходит в агросфере сейчас? Обладая огромным сельхозпотенциалом, Россия способна кормить и себя, и ещё миллиарды жителей планеты*, но на самом деле половина необходимого нам продовольствия закупается за рубежом, а о качестве продуктов говорить просто не приходится. Почему так происходит? Чего не хватает для организации 5–6 миллионов эффективных фермерских хозяйств? Ответ, увы, прост. Если в стране действительно появится необходимое число фермеров, они станут не только реальными собственниками и полноценными участниками экономического рынка. Экономический интерес неизбежно дополнится политическим и, значит, номенклатуре придется делить узурпированные ею полномочия с крестьянством. Как говорил Ельцин, «когда меньше хозяев — с ними работать удобнее, а все станут хозяевами — начнут власти приказывать. Какой тогда угол искать?» (М. Полторанин. «Власть в тротиловом эквиваленте». М., 2011. С. 170).

Однако абсолютное нежелание политического класса — современного коллективного Сталина — делиться властью делает невозможным существование в России ни полноценного фермерства, ни малого, ни среднего бизнеса. Наш народ исключён из экономической и политической жизни, а деиндустриализацию и деаграризацию страны компенсирует хищническая добыча и распродажа дарованных природой и переданных бюрократией подручным олигархам нефтегазовых ресурсов.

Широкая ткань русской истории, прикрытая клише «самодержавие», в действительности сплеталась из прочных нитей общественного согласия и компромисса. А нынешняя система, выступая под маской «суверенной демократии», в действительности является гримированным тоталитаризмом. За официальную «историю» она выдаёт усечённую, тонкую паутину корыстных, антипатриотических целей и деяний кучки правителей.

Вернём России историю!

Антон Васильев

Это всё придумал Черчилль в 18-м году

Мальчик, бродивший сам по себе

Племянник восьмого герцога Мальборо, титула он не имел: в Англии герцогство передаётся майоратно, старшим сыновьям, отец же Уинстона Рэндолф был вторым. Но кресло премьер-министра герцог занять практически не может — неизвестно, что лучше...

Уинстон был коренастым и неуклюжим подростком со слегка скошенным набок носом. Он родился на месяц раньше срока, шепелявил, заикался.

Среди его недостатков упоминались полное отсутствие аккуратности в быту, жадность в еде и питье. Наставники считали его лодырем с огромными способностями и редкой памятью. Он терпеть не мог иностранные языки (хотя, когда было нужно, сдавал их прилично), всё свободное время проводил за книгами.

Склонен был юный Черчилль и к мелким пакостям: он подкладывал нелюбимой тётке брусочки мыла в сыр, размещал над её дверью чернильницы...

В сущности, он был одиночкой. Сверстники помнили, как он «бродил сам по себе», с видом гордым и недовольным. Но стоило начать спорить, Уинстон побеждал всех великолепными, логичными речами, которые не могли испортить ни заикание, ни дефект

* Помимо собственного населения и с выгодой для себя — 500–700 миллионов человек. С невыгодой — больше. См.: данные председателя комиссии РСПП по аграрному комплексу Ивана Оболенцева. — Ред.

прикуса. Оппонентам он заявлял, что, когда станет великим, сокрушит всех...

Мать, постоянно раздражённая его леностью в учёбе, повторяла: «Пиши, усердней работай! Ты такой ленивый негодник!» Но успехи Уинстона, когда он всё же пересиливал себя, удивляли и родителей, и его самого. Знаменитый логопед Симэн, исправлявший его дикцию, заявил: «Я только что встретился с самым необыкновенным молодым человеком из всех, виденных ранее».

Журналист, завоевавший Англию

Окончив школу одним из первых, Уинстон занялся журналистикой, причём, неожиданно для знавших его, военной, записавшись в гусарский полк.

Любопытно, что как английский строевой офицер он участвовал в конфликтах, Англию зачастую не задевавших: он маршировал по Кубе вместе с испанскими войсками (и предсказал, что скоро она отойдёт к США), был в лагере повстанцев на северо-западе Индии, будущем Пакистане, участвовал в завоевании Судана. В генеральном сражении при Омдурмане Черчилль принял участие в последней кавалерийской атаке британской армии. Он сам описал этот эпизод:

«Я перешёл на рысь и поскакал к противникам, стреляя им в лицо из пистолета, и убил нескольких — троих наверняка, двоих навряд ли, и ещё одного — весьма сомнительно».

Уинстон нередко возмущался поведением британских войск на полях сражений, в Англии на шумела его статья о генерале Китченере, будущем военном министре, который в Иране осквернил гробницу имама Махди, добивал раненых дервишей, в Судане выбросил в Нил кости местного вождя и взял как трофей его череп.

И, тем не менее, он верил, что Британия унаследовала Азию по праву силы и доблести и теперь стоит

на страже, оберегая мир от непроглядного мрака варварства. Этот пункт очень важен, он станет центром убеждений всей его жизни. Запомним его.

Черчилль был на англо-бурской войне, попал в плен, защищая бронепоезд, и бежал, пробираясь по вражеской территории... Его спасли англичане-фермеры, вывезли к своим под тюками шерсти. В Англию он вернулся героем.

Молодой журналист, окрепший в седле и пропахший порохом, избавившийся от дефектов речи, хотя и преждевременно лысеющий, был готов к великому поприщу: юношеское честолюбие никуда не исчезло! Он и не скрывал своего эгоизма, напротив, гордился им.

К началу XX века Уинстон Леонард Спенсер Черчилль был одним из самых перспективных и заметных политиков Англии.

Гибель союзника

Когда разложение русской армии при Керенском приняло необратимый характер, генерал Алексеев прибыл в Петроград и начал подготавливать создание организации, которая должна была объединить офицеров запасных частей, военных училищ и просто оказавшихся в столице. В нужный момент генерал планировал организовать из них боевые отряды.

Главной проблемой оказалось полное отсутствие средств. Пытаясь получить финансирование через руководителей Совета общественных деятелей и Союза защиты родины и свободы, генерал вскоре обнаружил со стороны их вождей «склонность к сочувствию, но не к содействию». Обращение к богатым соотечественникам-единомышленникам закончилось тем же неутешительным результатом.

К моменту свержения большевиками Временного правительства в Алексеевскую организацию записалось несколько тысяч офицеров, которые или проживали в Петрограде, или по иным причинам оказались в столице. И только около 100 из них во главе со штабс-капитаном В. Д. Парфёновым обнаружили способность провести ряд нападений на большевиков и затем были вынуждены распылиться.

В Москве в конце 1917-го года находилось 50 000 офицеров и юнкеров. Во время ноябрьских событий и расстрела Кремля с Воробьёвых гор против большевиков выступило 700 человек.

Телеграмма главнокомандующего Петроградским военным округом полковника Полковникова в Ставку и главнокомандующему Северным фронтом, 25 октября:

«№ 538/с Секретно.

Доношу, что положение в Петрограде угрожающее. Уличных выступлений, беспорядков нет, но идёт планомерный захват учреждений, вокзалов, аресты. Никакие приказы не выполняются. Юнкера сдают караулы без сопротивления, казаки, несмотря на ряд приказаний, до сих пор из своих казарм не выступили. Сознывая всю ответственность перед страной, доношу, что Временное Правительство подвергается опасности потерять полностью власть, причем нет никаких гарантий, что не будет сделано попытки к захвату Временного правительства.

10 час. 15 мин. Главноокр Петроградский Полковник Полковников».

В тот же день находившийся в городе Остров генерал П. Н. Краснов отдал секретный боевой приказ по 3-му кавалерийскому корпусу N 47/21:

«В Петрограде кучка безответственных людей, подкупленная Императором Вильгельмом, и толпа солдат Петроградского гарнизона, состоящая из трусов, упорно не желающих идти на позицию, решила насильственным путем свергнуть Временное правительство, Совет республики и Центральный исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов.

Казаки и солдаты! Нас мало, но за нами честная солдатская присяга. Мы боремся за право, за свободу, за революцию и за Русский народ. С нами Бог! Наши противники — продавшиеся немцам люди, забывшие присягу. За их спиной измена, предательство и трусость. Никто из нас не сомневается, что правда и свобода восторжествуют на Руси при вашей бескорыстной и честной помощи».

На следующий день Краснов двинул на столицу весь наличный состав корпуса (шесть сотен 9-го и четыре сотни 10-го Донских казачьих полков — всего 700 казаков). Сильно поредевший «корпус» под командованием будущего донского атамана взял Гатчину и Царское Село. Однако силы Краснова были слишком малы для восстановления власти Временного правительства: корпус был разбит под Пулковом. Петра Николаевича отконвоировали в Смольный и посадили под домашний арест. 6 ноября, воспользовавшись документами Донского казачьего комитета, он бежал из Петрограда.

24-го ноября 1917-го года, уже после неудачного выступления Краснова, британский министр Роберт Сессиль сделал первое официальное заявление представителя английского правительства о непризнании Советской власти: *«Что касается признания этих людей, то хотя совершенно невозможно избежать определённого круга деловых сношений с ними, как, например, по вопросам, возникающим из-за ареста британских подданных — за исключением этого не может быть вопроса о дипломатическом признании и сношениях с ними».*

1 декабря 1917 на конференции в Париже премьер-министры стран-союзников решили отправить англо-французскую миссию к донским казакам.

Однако, прибыв на Дон, эта миссия обнаружила, что казаки отнюдь не горят желанием воевать с кем-либо.

28 января 1918 г. донской атаман Каледин обратился к казакам с призывом к защите, указывая, что *«развал строевых частей достиг последнего предела... в некоторых полках Донецкого округа удостоверены факты продажи казаками своих офицеров большевикам за денежное вознаграждение».* 29 января Каледин собрал правительство и сообщил, *«что для защиты Донской области нашлось на фронте лишь 147 итыков... Положение наше безнадежно. Население не только нас не поддерживает, но настроено к нам враждебно. Я не хочу лишних жертв, лишнего кровопролития... Свои полномочия Войскового атамана я с себя слагаю».*

Что касается будущей Добровольческой армии, то её боевая численность к началу февраля 1918 года не превышала 3–4 тысяч человек, причём на одного солдата приходилось два офицера. Пушек едва набрали на один дивизион, даже винтовок не хватало. Кутепов покупал их у неустойчивых революционных частей!

Белые отряды пробивались из Ростова на Кубань с огромными потерями. Атаман Каледин в приступе депрессии застрелился. От шальных снарядов погибли Лавр Корнилов и Сергей Марков.

А. И. Деникин в мемуарах напишет: *«В офицерских батальонах, отчасти батареях, офицеры несли службу рядовых в условиях крайней материальной необеспеченности. В донских войсковых складах хранились огромные запасы, но мы не могли получать оттуда ничего иначе как путём кражи или подкупа. И войска испытывали острую нужду решительно во всём: не хватало вооружения и боевых припасов, не было обоза, кухонь, тёплых вещей, сапог... И не было достаточно денег, чтобы удовлетворить казачьи комитеты, распродававшие на сторону всё, до совести включительно...»*

Во всех 33 боях Первого похода не было случая, чтобы численность большевицких сил не превосходила в шесть-десять раз числа добровольцев, — напишет позже Александр Трушнович.

Белое движение, едва начавшись, стояло на пороге гибели.

«Россия должна быть спасена русскими»

Вступив в должность военного министра Британской империи, Черчилль сразу же направил свою огромную энергию на борьбу с советской властью. Черчилль утверждал, что политика расчленения России не может иметь успеха, она приведёт лишь к бесконечным войнам, в результате которых возникнет враждебное Западу, агрессивное и милитаристское государство. Он настаивал, чтобы все усилия Англии были направлены к созданию федеративной России, с обеспечением местной автономии, но без нарушения принципа единства страны.

23 декабря 1918 на заседании британского кабинета, в котором участвовали и премьер-министры доминионов, Черчилль потребовал от премьера Ллойд Джорджа ответа на важнейший вопрос:

«Какова наша политика? Оставить русских вариться в собственном соку или попытаться свергнуть власть большевиков?»

Премьер-министр был не в восторге от такого предложения. Во-первых, сказал он, *«социалистическая британская пресса уже намерена сделать наше вмешательство в российские дела своей главной темой».*

А во-вторых, заявил Ллойд Джордж Черчиллю, по его мнению, для предлагаемой армии едва ли найдётся хотя бы пять тысяч добровольцев. (Их нашлось около 10 000).

Затем выступил Вильям Хьюз, премьер-министр Австралии:

«Нам следует уйти из России, и пусть русские имеют правительство, какое им нравится».

Английский танк добровольцев

В том же духе высказался министр иностранных дел Бальфур:

«Если Россия предпочитает большевиков, не стоит нам противоречить этому».

По мнению Черчилля, за большевизм в России выступает очень небольшая часть населения, и он будет сметён в результате всеобщих выборов, проведённых с помощью союзников.

Премьер-министр Ллойд Джордж на этом заседании вновь резко высказался против военного вмешательства в России. Он предложил рассчитывать на то, что *«большевизм рухнет сам».*

Но, к счастью, Черчилль был слишком твёрд, принципиален и упрям.

«Хотя Россия была повержена на землю и разбита, борьба за общее дело продолжалась. Деспотические правительства должны быть свергнуты, а не заменены иной формой тираннии. Для собравшихся на Дону русских патриотов были драгоценны честь русского оружия и наследие Петра Великого, которое они должны были охранять, хотя бы поплатившись за это жизнью».

«Формирование и подвиги русской добровольческой армии могут составить тему исторической монографии, которую с благодарностью прочтут все боевые товарищи русских в Британской империи, во Франции, в Италии и в Соединённых Штатах, а равно и в мелких государствах, ныне окончательно обеспечивших свою свободу».

Черчилль предвидел возможность реванша со стороны окрепшей со временем Германии и в борьбе с этой угрозой желал иметь в Восточной Европе (кроме Польши) не серию мелких и слабых государств, а сильную, единую и дружески расположенную к Англии Россию.

«Если России суждено спастись, о чём я молю небеса, она должна быть спасена русскими. Только мужеством, храбростью и добродетелями самих русских может быть достигнуто возрождение этой когда-то могущественной нации, славной ветви европейской семьи народов. Мы можем оказать помощь русским войскам, призванным на поле сражения во время германской войны отчасти по нашей инициативе и теперь сражающимся против низкого варварства большевиков, можем, повторяю, оказать им помощь присылкой ору-

жия, военного снаряжения, всякого рода оборудования, а также в области технического содействия помощь добровольную. Спасти Россию должно, однако, само русское войско. Сильными руками самого русского народа, повинующегося голосу своего сердца, должна главным образом вестись борьба против большевизма» (Из речи Черчилля во дворце лорда-мэра Лондона (Manison House) 19 февраля 1919 г.).

«Величайший ненавистник Советской России»

Именно по предложению Черчилля британский правящий кабинет, пусть и со скрипом, но принял решение подкрепить танками и авиацией воинские контингенты в Мурманске и Архангельске, а также армию Е. К. Миллера, признать адмирала А. В. Колчака Верховным правителем России, послать военные припасы Добровольческой армии. Военный министр ощущал всё усиливавшееся сопротивление своим инициативам. Газета «Дейли Экспресс» прямым текстом писала: *«Замёрзшие равнины России не стоят костей одного британского гренадёра».*

Черчилль неустанно повторял о необходимости блокировать мировую революцию и сохранить на русских просторах христианскую цивилизацию. Он выступил с предложением отправить в Россию тридцать британских дивизий. Беседа с французским военным министром Андре Лефевром, он говорил: *«Главная угроза западной цивилизации — не германский милитаризм, а большевизм»*, — и указывал на восток: *«Россия — вот, где определяется погода! Россия, эта большая древняя страна, находится в руках невеж, владеющих смертоносным оружием».*

Он запросил всех командующих, согласятся ли солдаты на заграничный поход в Россию. Копия запроса неизвестно как попала в «Дейли геральд» и попортила Черчиллю много крови. Но, благодаря умелой агитации, более 8 тысяч англичан записались в добровольческий легион (военные советники в их число не входили).

Два британских батальона во главе с членом парламента полковником Джоном Уордом и моряки с английского крейсера «Суффолк» оказались в центре Сибири и сыграли здесь важную роль в поддержке Омского правительства, помогая последнему и оружием, и советами. Поспешно создавалась новая, Сибирская армия. Из одних только британских источников она получила 100 тысяч ружей. Большинство солдат были одеты в мундиры британской армии. Во Владивостоке были основаны под управлением английских офицеров военные школы, которые выпустили к этому времени 3000 русских офицеров, («весьма, впрочем, посредственных», — утверждали инструктора). На юге союзники обещали Деникину, заменившему умершего Алексея, всякую поддержку при первой возможности. С открытием Дарданелл и появлением британского флота в Чёрном море создавалась возможность послать военную комиссию в Новороссийск. На основании её отчётов Военный кабинет 14 ноября 1918 г. решил: 1) помогать Деникину оружием и военным снаряжением; 2) отправить в Сибирь дополнительные

Английские аэропланы для Белой армии

кадры офицеров и дополнительное военное оборудование и 3) признать Омское правительство de facto.

Британский офицер Хадлстон Уильямсон, бывший военным советником Добровольческой армии, в своей книге «Прощание с Доном» писал:

«Войска, которые я видел в Борисоглебске, ...были очень плохо оснащены. Только 30% было обуто в сапоги, и в части не было никаких пулемётов... сквозь обветшавшие мундиры можно было разглядеть колени и локти... у многих вообще не было гимнастёрки и вместо них солдаты носили шерстяные фуфайки. ...И, тем не менее, они захватили Урюпинск, имея в своих рядах только 70 человек, но убив более сотни врагов. Когда их вышибли из города, красные ответили зверским убийством около 200 школьников и школьниц».

В наступлении в Донбассе против 13-й и 8-й армий красных белогвардейцы впервые применили сформированный в Екатеринодаре дивизион английских танков «Рикардо» и «Уиппет». Неподготовленные к борьбе с таким противником красноармейцы в беспорядке отступали.

Английские танки в составе 1-го дивизиона танков ВСЮР (16 машин) участвовали и в штурме Царицына, а тяжёлая артиллерия, полученная деникинцами от тех же англичан, вела планомерный обстрел города. Именно поэтому укрепления «красного Вердена», больше года отражавшие натиск Донской армии Краснова, были захвачены за несколько часов. Что характерно, в этих боях непосредственное участие принимали английские офицеры-танкисты во главе с капитаном Коксом. Они, как специалисты-инструктора, сопровождали танки, посланные Англией Доброй армии.

Нет сомнения в том, что этими победами белые армии обязаны в первую очередь Уинстону Черчиллю.

«Черчилль обнаруживает полную готовность идти навстречу нашим пожеланиям, — докладывал Национальному центру делегат от Союза возрождения А. А. Титов, — и во исполнение их производится заготовка военного и иного снаряжения на 250-тысячную армию. Что касается поддержки живой силой, то такая оказывается путем набора добровольцев, причём и частный почин приходит на помощь денежными средствами».

В своих мемуарах А. И. Деникин перечислял усилия военного министра в пользу Белого движения:

«Англичане передали нам Каспийскую флотилию. Генерал Гринли, военный представитель в Румынии, по поручению Черчилля поддерживал там весьма настойчиво наши интересы. Генерал Бриггс с ведома военного министерства и при некотором противодействии дипломатического ведомства, направившись в Варшаву, так же как и член парламента Мак-Киндер, склонял всемерно польское правительство к совместным с нами наступательным действиям. И так далее, и так далее»

В январе 1919 г. генерал Щербачёв подготовил для У. Черчилля две памятные записки по русскому вопросу, а в феврале для выступления в парламенте в Лондон прибыли известный российский общественный деятель, глава так называемого Временного правительства Северной области Н. В. Чайковский и Н. Н. Головин. Эти усилия не пропали даром. Британское военное министерство обещало всестороннюю помощь, по крайней мере, в течение всего 1919 г.

С высшими политиками Англии дела обстояли сложнее.

29 июля 1919 британский кабинет посвятил целый день обсуждению вопроса о России. Главным пунктом было принятие окончательного решения об эвакуации из Архангельска. Доклад Керзона был мрачен:

«Повсюду неудачи. Мурманск и Архангельск. Майское наступление Белых на Петроград отбито. Колчак. Единственный существенный успех достигнут Деникиным».

Однако как раз этот успех вызывал опасения Керзона.

«Генерал Деникин представляет сторонников прежней Российской империи. Он намерен ликвидировать молодые республики, которые мы поддерживаем».

Далее из уст министра транспорта сэра Эрика Геддса вновь прозвучали утверждения о реакционности окружения Деникина. В ответ Черчилль яростно ответил:

«Я не могу согласиться с употреблением термина "реакционеры" в отношении людей, защищающих жизни своих жён и детей».

Затем премьер-министр Ллойд Джордж стал многословно объяснять сущность курса британского правительства. Начал он с удара по Черчиллю.

«Было бы ошибкой считать наши военные операции в России борьбой против большевизма. Да, один из членов кабинета постоянно призывает к такому подходу, но я всегда возражал против этого».

Отправляя на Юг России в апреле 1919 года нового главу английской военной миссии генерал-майора Хольмана, военный министр послал с ним Деникину личное письмо, где обещал всяческую помощь в задаче «сломить большевистскую тиранию».

В октябре 1919 г. У. Черчилль под влиянием успехов войск генерала Деникина сообщил о решении правительства ассигновать 14,5 млн. фунтов стерлингов на посылку вооружения. Пробил-таки.

А. И. Деникину эту радостную новость сообщил сам генерал-майор Хольман:

«Мною получена следующая телеграмма из Лондона от Военного Министра: Вчера мною была получена санкция КАБИНЕТА на дополнительную поставку военного снабжения и припасов для Армий Вашего Высочайшего превосходительства на сумму 14,5 миллионов фунтов стерлингов, включая суда и стоимость перевозки. Эти военные припасы представляют из себя четвёртую часть всех наших военных запасов и поэтому состоят из предметов, коими мы можем свободно располагать. Я не предполагаю выслать все сразу, а по мере Вашей в них надобности».

Генерал Пуль и его преемники генералы Бриггс и Хольман оказались людьми «большого благородства и солдатской прямоты», как охарактеризовал их Антон Иванович. Ближе узнав генерала Деникина и оценив те же качества, они относились к нему с полнейшим доверием и готовностью во всем содействовать. Несмотря на внутренние противоречия в правительстве Англии, на расхождение во взглядах на британскую политику в русском вопросе между военным министром Черчиллем и премьером Ллойд Джорджем, они твёрдо стояли за единство России, делали всё от них зависящее, чтобы отстоять интересы деникинской армии. С этими людьми у Антона Ивановича сложились дружеские отношения. Сохранились они и в дальнейшем, когда, передав командование армией генералу Врангелю, он навсегда покинул пределы России.

А разногласия между Черчиллем и Ллойд Джорджем были не мельче Ла-Манша.

В 1970 году Дональд МакКормик в книге «Маска Мерлина» приподнял завесу секретности. МакКормик рассказывает, что в 1917-м году Д. Ллойд Джордж увяз «слишком глубоко в болоте международных махинаций с оружием, чтобы оставаться свободным деятелем» и был многим обязан международному торговцу оружием сэру Бэзилу Захарову, который составил себе значительное состояние, продавая оружие обеим сторонам в нескольких войнах.

МакКормик пишет, что Вудро Вильсон (президент США в 1913–1921 гг.), Ллойд Джордж и Жорж Клемансо (председатель совета министров Франции в 1917–1920 гг.) неоднократно встречались в парижском доме Захарова. МакКормик отмечает, что «государственные деятели и лидеры союзников были вынуждены консультироваться с ним вплоть до планирования любого крупного нападения». Британская разведка, по словам МакКормика, «выявила документы, которые обвиняли слуг Короны в том, что они являются секретными агентами сэра Бэзила Захарова с ведома Ллойд Джорджа». В 1917 году Захаров был связан с большевиками; он старался не допустить поставок вооружения антибольшевикам и действовал в Лондоне и Париже в пользу большевистского режима.

Там, где британский «ленд-лиз» осуществлялся под контролем Черчилля, белые армии получали доброкачественное оружие и снаряжение. Но стоило делу помощи белым попасть в иные руки — всё шло «вкривь да вкось, хоть брось». Это красноречиво описал А. И. Куприн в «Куполе Св. Исаакия Далматского»:

«Англичане, обещавшие подкрепить движение белых на Петербург своим военным флотом, безмолвствуют и лишь под занавес, когда большевики, в безмерно превосходных силах, теснят, окружают белую армию и она уже думает об отступлении, лишь тогда перед Красной Горкой появляется английский монитор и выпускает несколько снарядов с такой далёкой дистанции, что они никому и ничему вреда не приносят.

Англичане обещали оружие, снаряды, обмундирование и продовольствие.

Лучше бы они ничего не обещали!

Ружья, присланные ими, выдержали не более трёх выстрелов, после четвёртого патрон так крепко заклинивался в стволе, что вытащить его возможно было только в мастерской. Их танки были первейшего типа («времен войн Филиппа Македонского» — горько шутили в армии), постоянно чинились и, пройдя четверть версты, возвращались хромые в город...

...Англичане присылали аэропланы, но к ним прикладывали неподходящие пропеллеры; пулемёты — и к ним несоответствующие ленты; орудия — и к ним неразрывающиеся шрапнели и гранаты... ..Спрашиваемые впоследствии англичане с бледными улыбками говорили, что во всём виноваты рабочие-социалисты, которые-де не позволяют грузить материалы для борьбы, угрожающей братьям-большевикам».

Справедливости ради, Куприн упоминает об огромных запасах продовольствия и медикаментов, которые союзники действительно передали белой армии Юденича. Но до войск на фронте, из-за повального воровства тыловиков, дошло немного. Так было не только на Северо-Западе, так было и у Колчака.

В июле 1919 года из Великобритании на Юг России прибыли новые танки, и их количество в составе ВСЮР достигло 74 машин (57 танков Mk V и 17 — Mk A «Уиппет»). Однако имеющиеся на вооружении ВСЮР танки могли использоваться только при прорыве укрепленной оборонительной полосы, чего в манёвренной Гражданской войне практически не встречалось (исключения составили оборона Царицына, а позднее Каховский плацдарм).

Гражданская война была, по природе своей, войной кавалерийской, войной глубоких рейдов и прорывов в тылы противника, идеально — при поддержке авиации. Это понимал кавалерист барон Врангель и совершенно не понимал пехотинец Деникин: отряды Мамонтова получили от него приказ вернуться почти из пределов Московской губернии!

В конце августа 1919 Черчилль разослал членам кабинета оптимистичный меморандум относительно шансов генерала Юденича, готовившего очередной поход на Петроград. 30 августа 1919 Ллойд Джордж ответил Черчиллю:

«Мы уже потратили в этом году на Россию более 100 миллионов фунтов. Мы посылали туда несколько превосходных воинских частей. В начале этого года рисовались «великие перспективы» освобождения Москвы. Мы оказали помощь адмиралу Колчаку, насколько это было в наших силах... Теперь освободительная армия, точнее, её остатки, откатывается к Омску...

Адмирал Колчак и английские офицеры

В этом совершенно нет нашей вины... Мы выполнили все обещания, данные нами Деникину и Колчаку. Мы не давали никаких обещаний Юденичу, и я надеюсь — не дадим и в будущем. Народ Британии не потерпит швыряния очередных миллионов фунтов на глупые военные мероприятия».

17 сентября 1919 г. Ллойд Джордж выступил в палате общин с речью, в которой так обосновал свою политику всемерного ослабления России и предотвращения воображаемого вторжения русских в Индию: «Давайте реально рассмотрим наши трудности. Возьмём Балтийские государства... Потом Финляндию... Польшу... Кавказ... Грузию, Азербайджан, русских армян. Кроме того, существуют Колчак и Петлюра — всё это антибольшевистские силы. Почему же они не объединяются? Почему мы не можем их объединить? Да потому, что стоящие перед ними цели в основе своей несовместимы. Деникин и Колчак сражаются во имя достижения двух целей. Первая — уничтожение большевизма и восстановление в России нормального правительства. Во имя этого они способны найти общий язык со всеми силами, но вторая их цель — борьба за восстановление единой России. Так вот, не мне говорить вам, отвечает ли такая политика интересам Британской империи. Был у нас великий государственный деятель... лорд Биконсфилд, который утверждал, что огромная, гигантская, колоссальная, растущая Россия, подобно леднику неумолимо движущаяся в сторону Персии и к границам Афганистана и Индии, представляет для Британской империи величайшую угрозу, какую только можно себе представить».

В своей книге «Россия во мгле» Герберт Уэллс, наслушавшись кремлёвского морлока... простите, мечтателя, облёк в изящную литературную форму представления кабинета Ллойд Джорджа о политике в отношении большевиков:

«Если мы поможем какому-нибудь новому Врангелю свергнуть не такое уж прочное московское правительство, ошибочно полагая, что этим самым установим “представительный строй” и “ограниченную монархию”, мы можем весьма сильно просчитаться. Всякий, кто уничтожит теперешнюю законность и порядок в России, уничтожит всё, что осталось в ней от законности и порядка. (Выделено авт.) Разбойничий монархический режим оставит за собою новые

кровавые следы по всей русской земле и покажет, на какие грандиозные погромы, на какой террор способны джентльмены, пришедшие в ярость; после недолгого страшного торжества он распадется и сгинет. И тогда надвинется Азия. Снова, как тысячу лет назад, на огромной равнине, до берегов Днестра и Немана, всадник будет грабить крестьянина и крестьянин подстерегать всадника. Города превратятся в груды развалин среди безлюдной пустыни, железнодорожные пути — в ржавый лом, пароходы исчезнут с затихших рек...»

Общая картина складывается вполне понятная. Британский лев совсем не желал реальной победы белых генералов, хотя они и ориентировались на Антанту. Не желал возрождения действительно сильной и стабильной, национальной России, боялся её больше, чем большевиков, обессиливавших страну истреблением военной элиты и интеллигенции.

Черчилль фактически стал диссидентом, «агентом русского влияния». Он помнил громадные услуги, которые Россия оказала Франции, Англии, Италии во время войны. Он считал недопустимым бросить на произвол судьбы тех русских, которые в дни тяжчайших испытаний не изменили идее союза и не пошли на компромисс с немцами. Как и Деникин, он понимал мировую опасность большевизма.

Он писал о Ленине: «Ни один азиатский завоеватель, ни Тамерлан, ни Чингисхан, не пользовались такой славой, как он. Непримируемый мститель, вырастающий из покоя холодного сострадания, здравомыслия, понимания реальной действительности. Его оружие — логика, его расположение души — оппортунизм. Его симпатии холодны и широки, как Ледовитый океан; его ненависть туга, как петля палача. Его предназначение — спасти мир; его метод — взорвать этот мир. Абсолютная принципиальность, в то же время готовность изменить принципам... Он ниспровергал всё. Он ниспровергал Бога, царя, страну, мораль, суд, долги, ренту, интересы, законы и обычаи столетий, он ниспровергал целую историческую структуру, такую как человеческое общество. В конце концов он ниспроверг себя...» (Churchill W.S., *The Aftermath; The World Crisis. 1918–1928; New York, 1929*).

Ещё в ходе гражданской войны (в апреле 1920 года) представители Антанты встретились в Копенгагене с наркомом Красиным (организатором большевизских ограблений банков) для торговых переговоров. Ллойд Джордж принял Красина в Лондоне и был от него в восторге как от «интеллигентного и честного человека». Это было в момент, когда армия Врангеля наступала в Северной Таврии. Красин был принят на Даунинг-стрит премьер-министром и остальными членами кабинета, за исключением Черчилля. (На следующий день он спрашивал британских министров: «Ну как, пожали руку этому лохмоту бабуину?»)

В правящих кругах Британии высказывались и возражения против торговли с большевиками. Главное из них — что большевики могут платить за импортные товары лишь золотом, отнятым у прежних владельцев, которые могут предъявить свои требования на него.

Второе возражение — что большевики будут вести пропаганду, в частности, в Индии.

«Большевики готовы платить золотом, а вы не хотите его брать. Но торгуем же мы с людоедами Соломоновых островов», — так Ллойд Джордж дал собеседникам понять, что спор окончен.

...Глядя на российский материк, который он, из-за косности и близорукости официального Альбиона, не смог освободить, Уинстон Черчилль, возможно, всю жизнь пытался разгадать страну и народ, закрывшихся от остального мира Железным Занавесом, — и этот термин придумал также он!

Сколько, казалось бы, сарказма, едкой насмешки в его словах... Но не ощущаете ли вы скрытые за ними участие и сострадание?

«Эти русские непредсказуемы. Они уморили своих крестьян голодом. Они затопили плодороднейшие земли, чтобы сделать электростанции. Они загрязнили урожайные районы отходами от ядерной промышленности. У них небольшая плотность населения, но и при этом они ухитрились загадить свою страну настолько, что теперь вынуждены покупать зерно. Я думал,

что умру от старости. Но когда Россия, кормившая всю Европу хлебом, стала закупать зерно, я понял, что умру от смеха. Сталин захватил аграрную страну и превратил ее в сырьевой придаток и ядерную помойку. Только Ленин мог бы вывести русских из того болота, куда он сам их завёл. Но Ленина они успешно отравили. Через пару поколений они ещё деградируют и не смогут самостоятельно даже добывать полезные ископаемые. Народ будет вымирать, а диктаторы и их слуги будут жить, покупая у нас предметы роскоши и продавая соседним странам концессии; для русских лидеров это самый выгодный бизнес».

Берегись, когда тебя хвалит враг.

Уинстон Леонард Спенсер Черчилль был скуп на похвалы.

1. Черчилль, Уинстон Леонард Спенсер. Мускулы мира. — М.: Эксмо, 2010.
2. Роуз Норманн. Черчилль: бурная жизнь. — М.: АСТ, 2008.
3. Александр Куприн, Леонид Зуров: Купол Св. Исаакия Далматского. — М.: Вече, 2007.
4. Уильямсон Хадлстон. Прощание с Доном: гражданская война в дневниках британского офицера, 1919–1920. — М.: Центрполиграф, 2007.

Леонид Владимиров

Двенадцатое апреля

Почему Байконур?

А потому, что дело происходит в Советском Союзе, где говорить правду «не полагается».

Вот грустная история названия советского космодрома — внимательному человеку она сама по себе скажет многое. Пока Советский Союз запускал спутники, до апреля 1961 года, место их запуска вообще никак не обозначалось и считалось невероятно секретным. Но в апреле 1961 года в космос отправился первый человек — Юрий Гагарин, — и руководители Советского Союза внезапно оказались перед тяжёлой проблемой. Дело в том, что полёт Гагарина должен был быть зарегистрирован в качестве мирового рекорда по высоте и дальности. СССР гордо представил на регистрацию заявление, подписанное Гагариным и советскими «спортивными комиссарами». Однако Международная федерация авиационного спорта — ФАИ — сообщила, что по международным правилам для регистрации рекорда требовалось указать места старта и финиша полёта. После небольшого переполоха было принято «хитроумное» решение назвать Байконур, а не Тюратам, — и тем самым «сдвинуть» космодром для внешнего мира на 300 с лишним километров.

Подобные трюки удивляют только людей, незнакомых с советской манерой секретности. Я приведу один

лишь факт: на географических картах, издаваемых в СССР, местоположение *всех советских городов* сдвинуто относительно градусной сетки. В разные стороны, одних побольше, других поменьше — но сдвинуто! Кажется, этот «географический феномен» кто-то на Западе уже открыл. Но нам-то, научным журналистам в Москве, это было давным-давно известно. Помимо этого, в сборнике запретов, составленном советской цензурой, прямо указано, что запрещается публиковать географические координаты каких бы то ни было городов СССР. Что уж тут говорить о космодроме!

Как всегда, тревога пришла из Америки

Там было объявлено, что суборбитальные полёты с человеком на борту состоятся весной 1961 года. И моментально начался переполох. Пересмотреть все программы! Ускорить! Нажать! Отменить все эксперименты, не связанные прямо с полётом человека! И обеспечить первенство советского человека в космосе!

Что ж, Королёв пересмотрел, ускорил и нажал. Он решил провести ещё всего два «собачьих» полёта и потом сразу «человеческий». Возражать никто не смел: и медики, и тренеры будущих космонавтов знали, что не своей властью торопится Королёв. Они тоже заторопились — и, как всегда в спешке, начались аварии и жертвы.

Первого декабря 1960 года очередная ракета унесла в космос корабль с собаками Пчёлкой и Мушкой на борту. Но на следующий день произошла катастрофа: тормозная двигательная установка опять сработала-

Из книги «Советский космический блеф» («Посев», Франкфурт-на-Майне, 1973). Автор — советский научный журналист, эмигрировавший на Запад. Заголовок и подзаголовки в данной публикации сделаны редакцией журнала.

ла неверно, капсула слишком круто вошла в плотные слои атмосферы и в них сгорела.

Это был тяжёлый удар, но беда, как говорится, в одиночку не ходит. На следующий день после катастрофы Сергея Королёва увезли в больницу с первым в его жизни сердечным приступом. А уже в больнице врачи определили, что он страдает и серьёзным расстройством деятельности почек — заболеванием, очень часто приобретаемым в советских тюрьмах и лагерях.

Королёва предупредили, что прежний темп работы после выписки из больницы равносильна для него смертному приговору. Вместе с тем врачи сказали, что не видят у него смертельных заболеваний, и длительный отдых после лечения может практически полностью вернуть здоровье.

Но длительный отдых в то время означал для Королёва нечто вполне определённое: провал попытки обогнать американцев с выводом человека на орбиту. Сама по себе перспектива быть вторым в этой гонке несколько не огорчала Королёва — он всегда понимал невозможность долго оставаться первым. Но он понимал и то, как отреагирует на потерю космического «лидерства» Хрущёв. Капризный владыка перестанет отдавать Королёву драгоценные военные материалы, срежет дальнейшие фонды, и после этого он, Королёв, мало что сумеет сделать в оставшиеся ему, быть может, недолгие годы жизни.

Я здесь не пытался «реконструировать» думы Королёва...

Я здесь не пытался «реконструировать» думы Королёва на основании его последующих действий, хотя эти действия были достаточно красноречивыми, я основываюсь на нескольких замечаниях конструктора, вошедших позже в его официальную посмертную биографию. Особенно горек лаконичный ответ Королёва на вопрос некоего (не названного в биографии) кинооператора о ТОМ, чего не хватает Главному конструктору. «Очень многого, — сказал Королёв, — времени и здоровья».

Так или иначе, но Королёв пошёл ва-банк. Выйдя из больницы через три недели, он начал работать ещё яростнее, чем раньше. До того он состязался со временем и с косной технологией; теперь вступил в поединок с самой смертью.

Но в первые месяцы 1961 года судьба, дотоле благосклонная, прямо-таки обрушилась на советских ракетчиков каскадом несчастий. В феврале были готовы для запуска две ракеты; одну выставили на старт с космическим кораблём, куда поместили радиофицированный манекен космонавта и собаку. При заполнении топливом потекла одна из мембран, и пришлось дать команду «всем в укрытие», так как несколько минут взрыв казался неизбежным. По счастью, ракета не взорвалась. Когда давление было снято и топливо нейтрализовано, Королёв принял решение не откладывать старта, а заменить ракету второй за оставшиеся несколько часов. Он хотел победить судьбу. Однако не удалось и это. Ракета взяла старт, но одна из связей тут же отказала, и на орбиту корабль не вышел.

В советской печати и в биографии Королёва нет и следов этого драматического запуска, но эпизод с заменой ракеты перед самым стартом нашёл отражение в повести Ярослава Голованова «Кузнецы грома», опубликованной в журнале «Юность». Полагаю, что именно этот эпизод, как-то просочившийся в круги иностранных журналистов в Москве, дал пищу для упорных слухов на Западе о том, что какие-то советские космонавты погибли до полёта Гагарина. Мне, во всяком случае, ничего не известно о такой трагедии.

Выбор кандидата

Зато мне многое известно о гибели моего товарища по парашютному спорту — испытателя катапультной системы Петра Долгова. Он погиб, испытывая систему приземления будущих космонавтов.

Испытания проходили таким образом, чтобы имитировать реальную обстановку. На высоте 10 тысяч метров с тяжёлого самолета сбрасывали герметическую шарообразную капсулу, в которой сидел парашютист, одетый точно так же, как будущий космонавт. Свободно падая на протяжении 3 тысяч метров, капсула набирала примерно такую же вертикальную скорость, какую должна была по расчётам иметь реальная кабина возвращающегося космического корабля. На высоте 7 тысяч метров автоматически взрывались болты выходного люка — этот люк, по выражению ракетчиков, «отстреливался» от капсулы. Через секунду срабатывала катапульта, выбрасывая парашютиста вместе с креслом. Открывался маленький вытяжной парашютик, затем несколько больший — стабилизирующий, — а на высоте около четырёх километров наполнялся воздухом купол главного парашюта и одновременно кресло отделялось от парашютиста, который приземлялся обычным образом.

Перед тем, как Долгов занял место будущего космонавта и пошёл на испытание катапультной системы, капсула дважды сбрасывалась с манекеном на борту. Оба раза всё выглядело нормально, а сроки всё поджимали и поджимали. Первоначально предполагалось закончить парашютные испытания к маю 1961 года, но американские сообщения заставили приблизить срок, и Воронин, в ведении которого была эта часть работы, получил приказ завершить программу к 1 марта. С небольшим опозданием, обычным для всей советской системы, он рассчитывал сбросить человека и «отчитаться». Может быть, поэтому испытание доверили сразу самому опытному из всех — Петру Долгову.

Этот весёлый и храбрый человек имел на своём счету около 500 испытательных прыжков, в том числе немало скоростных, с катапультированием. Он катапультировался несколько раз с новых моделей самолётов, проверяя безопасность их аварийного покидания. Что случилось с Долговым на этот раз — для меня тайна. Но я знаю, что он приземлился мёртвым в разорванном скафандре. Вероятнее всего, зацепился за что-то при выбрасывании из люка.

Дело в том, что между сбрасыванием манекена и человека в одних и тех же условиях есть большая разница. Это я говорю с полным основанием, ибо сам

совершал испытательные прыжки. Манекен, например, совершенно неподвижен и стабильно остаётся в том положении, в котором был закреплён. Человек — нет. Даже если он великолепно тренирован и принимает чёткую позу (а для катапультирования поза в кресле исключительно важна), он всё равно не всегда «вписывается» в очертания манекена. Кроме того, никакой манекен не воспроизводит с полной точностью фигуру будущего испытателя. В советской практике никто не делает манекенов по меркам парашютиста, которому предстоит повторять прыжок. Манекены в Советском Союзе выпускаются в трёх антропологических вариантах — № 1 (малая фигура), № 2 (средняя фигура) и № 3 (крупная фигура). Мне неизвестно, какие два манекена сбрасывались перед Долговым — сам же Долгов был человеком худощавым и не очень рослым. Тем не менее, там, где прошли манекены, Долгов вполне мог зацепиться за край люка при катапультировании.

Королёв реагировал на гибель Долгова серией срочных и остроумных мер. Во-первых, он расширил люк корабля. Во-вторых, увеличил до двух секунд интервал между «отстреливанием» люка и срабатыванием катапульты. В-третьих... В-третьих, выбрал Юрия Гагарина кандидатом на первый космический полёт.

Все будущие космонавты, отобранные в авиационных частях и начавшие специальные тренировки в 1960 году, были людьми невысокого роста и некрупного сложения. Это-то было необходимо с самого начала. Но и среди них Королёв выбрал теперь почти самого маленького — Гагарина.

Правда, Герман Титов, совершивший полёт вторым в августе 1961 года, был более хрупкого сложения, чем Гагарин, и даже чуточку ниже ростом. Но власти не согласились, чтобы Титов был первым космонавтом, потому что к этой высокой политической роли он, по мнению Хрущёва, не по всем статьям подходил.

Тут, кстати, любопытно перечислить требования, предъявленные к первому космонавту. Главное требование звучало совершенно расистским образом: космонавт № 1 должен был быть чисто русским человеком по крови!

Как известно, в «интернациональном» Советском Союзе каждый гражданин имеет в своём внутреннем паспорте отметку о национальности — по крови предков, а не по религии. Дети от смешанных браков могут по достижении 16-летнего возраста выбирать — раз и навсегда — национальность одного из их родителей. И если, скажем, сын русского и армянки пожелает быть русским, то эта национальность будет вписана в его паспорт, и он до конца дней своих будет во всех официальных инстанциях считаться русским человеком. Даже если армяне вдруг попадут в немилость и начнут подвергаться каким-нибудь административным гонениям (как происходило в СССР с чеченцами, ингушами, калмыками, месхами, как до сих пор происходит с крымскими татарами и евреями), то данному человеку ничто не грозит: по паспорту русский — значит русский, а это национальность в Советском Союзе всегда наиболее «благоприятная».

Но в данном случае, при отборе космонавта для первого полёта, советские нацисты пошли ещё дальше. Нужно было, чтобы кандидат был не просто «русским по паспорту», а чтобы был он, так сказать, «сто процентным арийцем», — то есть имел обоих русских родителей и предков второго колена тоже.

Поэтому, например, кандидатуры украинца Поповича, чуваша Николаева, наполовину украинца Быковского отпадали сразу. Их разрешено было использовать в последующих полётах, даже рекомендовалось использовать — для демонстрации «дружбы народов» в СССР. Но первым — первым должен был проложить путь в космос только чистокровный русский.

Этому требованию отвечали несколько кандидатов, проходивших тренировки. И первоначально предполагалось, что космонавтом № 1 будет Алексей Леонов — человек ловкий, способный, отличный лётчик и профессиональный парашютист. Но Леонов был крупнее по фигуре, и после катастрофы с Долговым выбор Королёва сузился. Оставались практически только двое — Гагарин и Титов, — но можно было думать также о Владимире Комарове, который был лишь незначительно крупнее этих двух.

И тут вступило в действие условие номер два — тоже отнюдь не технического и не медицинского характера. Оказывается, будущий космонавт обязательно должен был происходить из «рабоче-крестьянской» семьи. Хрущёв предполагал организовать после первого полёта международное пропагандное турне космонавта (Королёв не мог об этом и мечтать) и намеревался получить дополнительный эффект, напирая на то, что вот, дескать, только советская система могла дать рабочему или крестьянскому сыну «путёвку» в космос.

Здесь у Гагарина было преимущество и перед Титовым и, тем более, перед Комаровым. Он родился в деревне и происходил из «безупречных» крестьян. Титов, хотя тоже родился в деревне, был сыном «интеллигента» — сельского учителя. Это уже было не так хорошо. И Титов был сделан дублёром Гагарина в первом полёте. В случае какого-нибудь чрезвычайного обстоятельства сын сельского учителя всё-таки мог лететь вместо крестьянского сына. Но вот Комаров уже никуда не годился — он происходил из семьи горожанина-интеллигента и сам был инженером.

Вот так произошёл выбор первого космонавта. Я не уверен, что в тогдашней напряжённой обстановке, когда неудачи шли за неудачами, когда открылся уже фамилией Долгова и список человеческих жертв, Юрий Гагарин очень радовался тому выбору. Ведь пока что из трёх кораблей, моделировавших будущий «Восток», два не вернулись на Землю — один остался на орбите, другой сгорел в атмосфере. А тут ещё предстоящее катапультирование, при котором погиб испытатель самого высокого класса...

Но такими мыслями, если они у него и были, Юрий Гагарин ни с кем не делился. Во-первых, в советских условиях никто не спрашивал мнения космонавта — ему просто приказывали лететь, и он с детства знал, что получить такой «приказ Родины» — высокая честь, а отказать от его выполнения — несмыслимый по-

зор. Во-вторых, если бы будущий космонавт проявил повышенный интерес к вопросам безопасности космического полёта, к степени риска и так далее, то его сразу заподозрили бы в трусости и в два счёта отстранили от подготовки. Карьера таких людей в СССР — которые «не сумели», «не выдержали» — кончена. Поэтому при начальстве кандидаты в космонавты изображали бодрость, старались особенно не умничать и запоминать как можно лучше всё, что им преподносилось на уроках и тренировках. Кроме того, будущие «покорители космоса» знали, что от них в полёте ровно ничего не будет зависеть. От манекенов или подопытных собак они будут отличаться только тем, что будут поддерживать словесную радиосвязь в полёте и расскажут потом о своих впечатлениях.

Главный конструктор космических кораблей — так именовали Сергея Королёва при официальных обращениях к нему — относился к кандидатам в космонавты с покровительственным добродушием. В неслужебных разговорах называл их «орёлики», а в их отсутствие говорил «кролики-орёлики», вовсе не намекая на трусость космонавтов, а только на то, что они служат подопытными кроликами для него и его коллег. Впрочем, ни один человек на свете так не желал безопасного возвращения космонавтов и ни один столько не делал для их безопасного возвращения, как Королёв.

Перехитрить судьбу

Но в то же время Королёв, сам работавший «на полный износ» и рисковавший жизнью, считал риск возможным и необходимым в космонавтике — особенно в той авантюрной космонавтике, в которую был теперь вовлечён силою событий. Очень характерно в этом смысле его письмо к жене с космодрома, приводимое в официальной биографии (оно написано позже того времени, о котором сейчас идёт речь, но смысл от этого не меняется). «Наш девиз: беречь людей, — писал Сергей Королёв. — Дай-то нам Бог сил и умения достигать этого всегда, что, впрочем, противно закону познания жизни. И всё же я верю в лучшее, хотя все мои усилия и мой разум и опыт направлены на то, чтобы предусмотреть, предугадать как раз то худшее, что подстерегает нас на каждом шагу в неизведанное».

Теперь уже можно утверждать, что такой решительный склад характера Королёва был главной причиной его успехов — как, впрочем, и неудач. Успехов было больше, чем неудач, потому что Королёв был феноменально одарённым инженером и, действительно, часто умел «предугадывать» опасности. И таким же блистательным специалистом был его первый помощник Воскресенский.

Шёл март 1961 года, и американская «угроза» всё нарастала. Королёва словно гнал демон Времени. Он проводил дни и ночи в цехах, где шла сборка ступеней ракеты и очередного корабля. Видя, как надрывается «главный», люди тоже работали до иступления. Королёв ходил грозный, как туча, и, хотя говорил нарочито тихо, навевал на окружающих форменный ужас. Вот соответствующий отрывок из официальной биогра-

фии — заметьте, что автор биографии совсем не хотел подтверждать вышесказанного. Но... читайте сами:

«Подготовка к полёту человека в космос была в разгаре. Конструкторы дневали и ночевали на предприятии. При любой неполадке Сергей Павлович немедленно отправлялся на место происхождения. Как-то он обнаружил, что на корабле отсутствует деталь, нужная для тренировки. Он не возмутился, не вскипел, а только показал ведущему инженеру на циферблате часов цифру “9”:

— Чтобы завтра к девяти ноль-ноль деталь была.

К утру всё было в порядке...»

Все понимали, что если Королёв жертвует собой (а состояние его здоровья было всем известно), то он сожрёт в порошок всякого, кто нерасторопностью или просто не полным напряжением сил задержит подготовку хоть на минуту.

В результате такого штурма в марте были готовы ещё две ракеты со спутниками. Неудача с запуском хотя бы одной из них означала почти наверняка, что американцы выйдут в космос первыми — ведь пока что в активе был лишь один успешный орбитальный полёт с животными и три неудачи.

Поэтому Королёв теперь решил ограничиться самым элементарным запуском — на один виток; и если этот запуск дважды будет удачным, то повторить его абсолютно так же в третий раз — но уже с космонавтом на борту. Первые четыре таких корабля запускались на сутки каждый — к семнадцатому витку они выходили снова в позицию для посадки на территорию СССР. После третьего витка посадка на советскую территорию становилась невозможной, и нужно было ждать семнадцатого оборота, наступавшего через сутки.

Девятого и двадцать пятого марта 1961 года каждая из ракет сделала по витку вокруг Земли. Помещённые в них собаки и манекены космонавта благополучно приземлились на парашютах, причём собаки прикрепились к манекенам, и для их катапультирования применялась точно такая же система, как для будущего космонавта. Вообще эти два полёта были выполнены с повторением самых мельчайших деталей, без каких-либо изменений. Тем временем шёл монтаж следующей, абсолютно такой же ракеты для запуска следующего, совершенно такого же корабля-спутника. Только вместо манекена с привязанной к нему собакой в кресле должен был сидеть космонавт.

Королёв мог радоваться: он ещё раз сумел перехитрить судьбу и обойти американцев на 23 дня (первый вылет Алана Шепарда на «Меркурии» состоялся 5 мая 1961 года). Очень много людей во всем мире — не только в Советском Союзе — думали, что американцы «отстали», что они колоссальным напряжением сил сумели «кое-как» запустить человека — даже не на полную орбиту. Станным образом, мало кому приходило в голову, что ведь этот американский полёт был открыто объявлен наперёд, что именно так он и планировался. Впрочем, большинству советских граждан это и не могло прийти в голову, ибо цензура в Советском Союзе тщательно вычеркивала все упоминания о пред-

стоящих и объявленных в Америке запусках. Это я знаю по собственному опыту.

Но Королёв, понятное дело, знал всё — и отнюдь не радовался. На поздравления он отвечал раздражённым кивком головы.

21 июня 1961 года в Америке состоялся второй суб-орбитальный полёт. Вирджил Гриссом должен был вылететь на день раньше, но по какой-то технической причине его старт был отложен. Об этом сообщили американские газеты, и советская печать сейчас же дала сообщение о «неполадках» с предстоящим вылетом. Мой друг, докладывающий Королёву бюллетень иностранной прессы за этот день, рассказал о реакции Главного конструктора. «Представляешь, — буркнул Королёв, — заметку в нашей газете, что вот, мол, вылет «Востока-2» назначен на сегодня, но из-за технической неполадки переносим его на завтра». Товарищ мой невольно рассмеялся, но Королёв взглянул на него волком и грубо оборвал: «Чего смеёшься — плакать надо!»

Истинная причина

Что именно интересовало Хрущёва, Главный конструктор так и не понял. Но было ясно, что существовала какая-то причина, в силу которой он, Королёв, должен был мчаться в Москву и начинать очередной «штурм».

Этот штурм начался и успешно завершился полётом Германа Титова на «Востоке-2» 6 августа 1961 года. Опять Королёв блестяще вышел из положения: он провёл полёт по той программе, по которой шли первые «собачьи» запуски, — то есть семнадцать витков с посадкой в начальной точке. Правда, два таких полёта закончились в своё время неудачами, но надо было рисковать, ничего не поделаешь. Кроме того, ТДУ — тормозная двигательная установка — в прошлом подводившая после суточного пребывания в вакууме, была объектом постоянного внимания конструкторов. Над ней работали днём и ночью, испытали десятки раз — словом, сделали всё, чтобы она сработала нормально. И она сработала.

Хуже «сработал» сам космонавт. Почти сразу после вылета у него начались расстройства вестибулярного аппарата, которые в дальнейшем ухудшились. На землю он вернулся больным. Через сутки после приземления группа врачей из Москвы привела его в такое состояние, что он смог прилететь в Москву и отрапортовать Хрущёву. После этого Титова отправили в санаторий, Королёва и всех его сотрудников щедро наградили, а несколько дней спустя выяснилась истинная причина, из-за которой Хрущёв так торопил с запуском.

Причина была на сей раз совсем неожиданной: Хрущёву требовался хороший «фейерверк», чтобы отвлечь внимание всего мира от берлинской стены, возведённой 13 августа 1961 года. Что ж, в некоторой степени цель была достигнута. Люди на Западе говорили: «Нехорошо, конечно, что они выстроили эту тюремную стену, но зато какие у них успешные космические полёты — вот, человек целые сутки провёл в космосе!»

После этого состоялись ещё четыре полёта кораблей «Восток» с космонавтами Николаевым, Попови-

чем, Терешковой и Быковским. От полётов с Гагариным и Титовым они отличались только длительностью, да ещё тем, что с третьего полёта начались телепередачи из кабины спутника. Но каждый из этих полётов объявлялся в СССР особым достижением, непременно чем-нибудь «первым», «оставляющим американцев далеко позади». И никто не верил этому больше, чем сами американцы!

Скажем, Николаев и Попович, запущенные с интервалом в одни сутки, провели, как было сказано, «парный» полёт. Но известно, что все без исключения «Востоки» запускались на одну и ту же орбиту, и её изменение, в своё время предложенное Королёвым, так и не было осуществлено. На семнадцатом витке этой орбиты капсула оказывалась в положении первого витка. Происходило это через сутки. Время прохождения активного участка траектории было тоже измерено с точностью до доли секунды. Следовательно, оставалось лишь правильно выбрать момент старта второй ракеты через сутки после первой, чтобы вторая капсула оказалась от первой в непосредственной близости. Если это и свидетельствует о чём-то положительном, так только разве о стабильности ракетных двигателей-связок, имевшихся в распоряжении Королёва. Ведь ни Николаев, ни Попович не маневрировали и не могли маневрировать своими капсулами — манёвры на орбите были впервые осуществлены в СССР намного позже, чем в США, — в 1968 году.

После «парного» полёта Николаева и Поповича я был участником телевизионного интервью с этими космонавтами. До начала интервью мы три часа просидели в московском телецентре в таком составе: двое космонавтов, заведующая отделом науки Центрального телевидения Тамара Чистякова, журналисты и... Михаил Крошкин. Командовал этой подготовкой, конечно, Крошкин и шла она так. Журналист предлагал какой-нибудь вопрос; Крошкин немедленно говорил: «Этот вопрос в передаче не задавать». Предлагался следующий вопрос, и опять Крошкин его отводил. Космонавты безмолвствовали, причём Николаев был убийственно серьёзен, а Попович хитровато улыбался. Наконец, находился вопрос, достаточно невинный, чтобы Крошкин его пропустил. Тогда вопрос записывался, а Крошкин обращался к космонавтам: «Ну, товарищи, как будете отвечать?» Кто-нибудь из них начинал говорить, но и тут не обходилось без Крошкина:

— Андриян Николаевич (или Павел Романович, если говорил Попович)! Это говорить не стоит. Скажите лучше так...

Никто ни разу Крошкину не возразил.

В самом начале я предложил вопрос о маневрировании. Крошкин отвёл его тут же. Я задал вопрос, в какое окно Николаев видел Поповича и в какое — Попович Николаева, по отношению к Земле. Но и этот невиннейший из вопросов был отвергнут Крошкиным!

Потом ко мне вдруг обратился Николаев.

— Товарищ журналист, — сказал он своим невероятно серьёзным тоном, — вы можете задать мне такой вопрос: «Товарищ Николаев, что вы думаете о путях развития мировой космонавтики?»

Было бы поистине любопытно послушать, что мог сообщить по сему поводу Николаев, известный даже среди космонавтов своей умственной ограниченностью, но Крошкин не доставил мне такого удовольствия. Он «забодал» вопрос Николаева немедленно и безапелляционно.

Вообще Николаев был объектом постоянных насмешек, часто довольно злых, со стороны его коллег. Вот анекдот, рассказанный мне известным лётчиком-испытателем, близко знавшим космонавта. Произошло это сразу после того, как Николаев был назначен «командиром отряда космонавтов».

Командир отряда космонавтов Николаев приходит на проверку остроты зрения. Он садится на некотором расстоянии от таблицы с буквами разных размеров, и врач показывает: читайте такой-то ряд. Николаев напряжённо мычит в ответ. Врач показывает строкой выше, где буквы покрупнее. Тот же результат. Еще выше. Опять Николаев ничего прочесть не может. Так доктор добирается до верха таблицы, где изображены только две огромные буквы. И снова мычание вместо чтения. Доктор потрясён.

— Что, товарищ Николаев, вы и эту строку прочесть не можете?

— Да я, чёрт меня подери, самую нижнюю строчку распрекрасно вижу! Я только забыл, как они, проклятые, называются!..

Перед началом программы «Джемини» в США были опубликованы цифры затрат на космические

исследования. В числе других цифр была и стоимость каждого фунта веса, выводимого на околоземную орбиту. Сейчас точно не помню эту цифру, но наверняка это было сто долларов с небольшим. Мои советские друзья-ученые читали эти цифры с огромным интересом. Сами они понятия не имели, сколько стоит Советскому Союзу вывести на орбиту фунт или килограмм веса, утверждали, что не знал этого и Королёв. Но сказали так: если американцы тратят на фунт сто с чем-то долларов, то мы, как минимум, в пять раз больше.

Я уверен, что это ещё осторожная оценка. Хотя зарплаты людей в СССР примерно в пять раз меньше, чем в США, стоимость космических программ несравненно выше. Виной тому не только секретность, но и общий низкий уровень технологии, требующий «штучного» изготовления всякой мелочи, и процветающая в стране бесхозяйственность, и повальное воровство (даже с секретных предприятий), и исключительно низкая — самая низкая в Европе — производительность труда.

Поэтому не нужно удивляться, что советских граждан пока нет на Луне. Удивляться можно как раз обратному: как в описанных выше условиях блистательный Королёв и другие талантливые люди сумели сделать отсталый и консервативный Советский Союз космической державой.

Независимо ни от каких политических соображений эти люди достойны восхищённого поклона человечества.

Михаил Науменко

Катынь — Смоленск

10 апреля 2011 отмечалась первая годовщина крушения под Смоленском польского президентского самолета с государственной делегацией на борту, направлявшейся в Катынь на памятные мероприятия, посвящённые 70-летию расстрела польских офицеров органами НКВД по приказу Сталина и его окружения весной 1940 года.

В результате авиакатастрофы погибли 96 человек, включая президента Польши Леха Качиньского, его супругу, высших членов правительства страны, военного командования и других.

Живя в Смоленске, не помнить об этом дне нельзя. Увы, пожалуй, в печатных изданиях только ваш журнал продолжает следить за этой страшной темой. Поэтому и пишу вам. Ведь все вопросы, которые я дальше освещаю, касаются нас в первую очередь. Нужно очистить нашу смоленскую землю от позора. Замалчивать, подтасовывать факты не дело чести людей, которые хотят жить в мире и дружбе со своими соседями.

Именно ради России, но и ради Польши, ради наших настоящих отношений пишу я эту статью.

Прошёл тяжёлый, мучительно длинный, переполненный скорбью и страданиями год. Год, который не принёс ни утешения, ни облегчения родственникам погибших. Год, полный лжи и оскорбительных обвинений в адрес погибших в катастрофе. С первых же минут после катастрофы активно заработала пропагандистская машина, как в советские времена. Поток дезинформации, начиная с точного времени авиакатастрофы, количества подходов на посадку и заканчивая причиной катастрофы, обрушился лавиной. С первого дня после катастрофы СМИ неустанно обвиняли пилотов, которые якобы были плохо подготовлены, не знали русского языка (международный язык авиационного сообщения — английский) и под давлением Главного пассажира не выполнили указание диспетчера уйти на запасной аэродром. Приняли самостоятельное решение о посадке при метеоусловиях, несоответствующих установленному минимуму аэродрома Смоленск «Северный». Другие возможные причины катастрофы: неисправность самолета, неисправность наземного навигационного оборудования,

Михаил Науменко — подполковник ВВС в отставке, в советские годы проходил службу на территории Польши в составе группы Советских войск. Живёт в Смоленске.

неправильные действия группы руководства полетами аэродрома или террористический акт — полностью исключались. Однако, Следственный комитет РФ и польская комиссия расследование уголовного дела не закончили до сегодняшнего дня.

Межгосударственный авиационный комитет (МАК) 12 января 2011 года обнародовал окончательный отчет по расследованию авиационного происшествия, согласно которому непосредственной причиной крушения самолета признано решение экипажа — не уходить на запасной аэродром и произвести посадку. Системными причинами — недостатки в обеспечении полета и подготовке экипажа. **«Неадекватные решения, принимаемые КВС (капитан воздушного судна — авт.), и действия экипажа происходили на фоне высокой психологической нагрузки, связанной с пониманием важности выполнения посадки именно на аэродроме назначения, а также присутствием в пилотской кабине высокопоставленных посторонних лиц»** (с. 116 отчета МАК). Трудно не согласиться и не процитировать слова известной российской журналистки Юлии Латыниной, которая в своем блоге в Интернете написала: **«Отчет МАК о причинах крушения самолета президента Качиньского оказался ещё более омерзительным»,** чем **«доклад комиссии Таллявини по поводу российско-грузинской войны».** **«В нём масса какой-то ахинеи, ненужной, а часто и злобной...»** **«Это — бессмысленный поток слов, который должен впечатлить объёмом работы, проделанной комиссией».**

Однако, несмотря на откровенное нежелание МАК устанавливать реальные причины катастрофы, в отчёте можно найти весьма интересные и очень спорные моменты. Начну с цитаты из отчёта, касающейся действий второго пилота: **«...в момент времени 10:40:51 (расшифровка “чёрного ящика”: 10:40:50,5–10:40:51,2–2 П — Уходим! — авт.), соответствующий информации “Уходим!”, штурвал был несколько взят “на себя”, однако недостаточно, чтоб отключить автопилот, и тем более недостаточно, чтобы выполнить уход на второй круг. Наиболее вероятно, это действие инстинктивно было выполнено вторым пилотом, который больше других членов экипажа понимал на тот момент критичность ситуации»** (с. 112–113 отчета МАК). Это происходит за 14 секунд до столкновения самолета с землей, когда система TAWS (система раннего предупреждения приближения земли) уже на протяжении 8 секунд кричит TERRAIN AHEAD (ВПЕРЕДИ ЗЕМЛЯ), PULL UP, PULL UP (ТЯНИ ВВЕРХ), когда скорость снижения в два раза выше допустимой (8 м/сек. вместо 4 м/сек.), о чём не может не знать даже второй пилот. В связи с этим хочется задать вопрос членам комиссии МАК: второй пилот понимал критичность ситуации или действовал инстинктивно? Из логики отчёта, в самом деле, мягко говоря, неясно, почему происходили описанные ими неадекватные действия второго пилота в подобной ситуации..., но дальше — больше. Может быть, что-то неадекватно ситуации в их докладе? Цитата из медико-трассологических исследований командира воздушного судна: **«На тыльной поверхно-**

сти левой кисти и левого предплечья пилота обнаружены повреждения, характерные для соскальзывания руки с рожка штурвала и соударения её с приборной доской. Это позволяет говорить о нахождении левой верхней конечности на штурвале с относительно слабым зажимом рожка штурвала кистью руки, что не характерно для стрессовых ситуаций, представляющих реальную угрозу жизни пилота, — обычно имеет место рефлекторный зажим пилотами рожков штурвала, сопровождающийся травмами ладонных поверхностей кистей рук». (с. 99 отчета МАК) — цитата из медико-трассологических исследований второго пилота: **«На тыльных поверхностях кистей рук и на наружных поверхностях обеих предплечий второго пилота обнаружены повреждения, характерные для соскальзывания рук с рожков штурвала и соударения их с приборной доской. Это позволяет говорить о том, что к моменту столкновения самолёта с землёй руки пилота находились на штурвале. При этом, так же как у командира воздушного судна, хват кистями рук рожков штурвала не носил характер зажима, как это обычно бывает в стрессовых ситуациях...»** (с. 100 отчета МАК). Подобные медико-трассологические исследования штурмана и бортинженера в отчёте отсутствуют. И опять возникает вопрос: как такое может быть? Сначала второй пилот, понимая критичность ситуации, слегка тянет «на себя» штурвал — как бы инстинктивно. А далее, когда самолёт, столкнувшись с роковой берёзой, в результате чего потерял большую часть крыла, уходит в крен, на борту стоит крик, что слышно на записи «чёрного ящика», все понимают, что происходит, и только командир воздушного судна и второй пилот ничего не понимают и слегка держат в руках штурвал. Безусловно, подобное возможно! Но только при условии, если с экипажем самолета что-то произошло, что привело к такому физическому состоянию, которое не позволяло им нормально функционировать и предпринимать необходимые действия!!!

Комиссия МАК, видимо, не желала, или не имела возможности позволить себе вольности в установлении истинной причины катастрофы. Установка уже была дана — неправильные действия пилотов в результате давления Главного пассажира. Приходится искать причины неадекватного поведения экипажа среди пассажиров на борту самолёта. Однако прямо обвинять погибшего Президента Республики Польша, зафиксировав это в отчете, неправомерно, да и опасно. Комиссии необходимо найти третье лицо, предпочтительно повыше рангом, посредством которого Главный пассажир оказывал психологическое давление на экипаж. МАК виртуозно справляется с поставленной задачей и не забывает о лучших традициях жанра: чем чаще об этом заявить в отчёте, тем убедительнее. **«3.1.38 По данным бортового речевого самописца и идентификации голосов, проведённой польскими экспертами, в пилотской кабине самолёта, в процессе снижения и захода, находились посторонние лица, в том числе Директор протокола и Главкомандующий ВВС Республики Польша, который на-**

ходился в кабине при снижении на посадочной прямой вплоть до столкновения самолёта с землёй.

3.1.39. Присутствие в кабине экипажа посторонних лиц, обсуждающих с ним возможные варианты продолжения полёта и реакцию Главного пассажира, создавало психологическое давление, в первую очередь на командира экипажа, и увеличивало его психоэмоциональное напряжение (с. 199 отчёта МАК). **«3.1.64 ...Присутствие Главкомандующего ВВС Республики Польша в кабине экипажа вплоть до столкновения воздушного судна с землёй оказало влияние на формирование решения КВС** (капитан воздушного судна — авт.) **о продолжении захода и о снижении ниже установленной минимальной высоты снижения без установления визуального контакта с наземными ориентирами»** (с. 203 отчёта МАК). **«По заключению лётных экспертов и авиационных психологов, присутствие Главкомандующего ВВС Республики Польша в пилотской кабине вплоть до столкновения самолёта с землёй оказано психологическое давление на принятие решения КВС о продолжении снижения в условиях неоправданного риска с имеющейся доминантной целью выполнения посадки “во что бы то ни стало”»** (с. 207 отчёта МАК). Очень убедительно, только есть одно «но»! Идентификационное заключение голоса директора протокола М. Казаны («Экспертное заключение № 10/050», ООО «Форенэкс», Санкт-Петербург) представлено и присоединено к отчету МАК. Данная экспертиза проведена российской стороной и подписана только российскими экспертами, но всё-таки это кое-что. Так вот, продолжим — директор протокола в соответствии с отчётом МАК не оказывал никакого психологического давления на экипаж самолета. Эта роль отведена Главкомандующему ВВС Республики Польша А. Бласику. Голосовой экспертизы Главкомандующего, по всей вероятности, не существует, т. к. в отчёте МАК данный документ не упоминается, а в качестве доказательства присутствия Главкомандующего ВВС Республики Польша в кабине пилотов представлен документ с весьма странным названием: **«Экспертное заключение о возможности нахождения в пилотской кабине постороннего лица к моменту столкновения воздушного судна с землёй»**. Непонятно, как на основании документа, который не доказывает, а только определяет **возможность** нахождения, можно строить обвинения. К тому же данный документ без даты, без нумерации страниц, не заверен печатью, а содержит только подпись кандидата медицинских наук А. В. Клюева, который имеет прямое отношение к МАК. Комиссии МАК этого показалось недостаточным, и она пошла дальше, представила Главкомандующего ВВС Республики Польша, склонным к употреблению алкоголя. **«3.1.68 ...По результатам судебно-медицинской экспертизы, выполненной в Отделе судебно-медицинской экспертизы трупов Государственного бюджетного учреждения здравоохранения города Москвы “Бюро судебно-медицинской экспертизы Департамента здравоохранения города Москвы”, в крови Главкомандующего ВВС Республики Польша обнаружен**

этиловый алкоголь в концентрации 0,6‰» (с. 204 отчёта МАК). Для этой цели к вышеупомянутому документу были присоединены заключения судебно-медицинских экспертиз, на основании которых в крови неизвестного мужчины обнаружен этиловый спирт в концентрации 0,6‰, а вот карбоксигемоглобина (продукт присоединения СО (окись углерода, угарный газ) к Hb (гемоглобин) не обнаружено. Излишне говорить, что экспертизы проводились без участия польской стороны. Каждая экспертиза содержит подпись только одного эксперта, без подписи лаборантов, принимавших участие в исследованиях. Имеют место экспертизы, проводимые только экспертом, без участия третьих лиц. Флаконы с материалами (кровь, почка), поступившими на лабораторное исследование, были не опечатаны и не имели наклейки с надписью (с. 14, 16 вышеуказанного документа). Но и это ещё не всё. Вопрос к членам комиссии МАК: господа, Вы в какой стране живёте? Все заключения экспертов составлены на бланках № 08–9/154, утверждённых Минздравом СССР, (с. 14, 16, 18 вышеуказанного документа). А исходя из заключения эксперта № 1612-х за подписью Свиридовой Т. А. Бюро СМЭ ДЗМ (Бюро судебно-медицинской экспертизы Департамента здравоохранения г. Москвы) находится в непосредственном подчинении Минздрава СССР (с. 18 вышеуказанного документа). Вот это да!!! Видимо, это многое объясняет внимательному читателю. Видимо, мы наивно думаем, что эта аббревиатура осталась в прошлом. Нет, видимо, она живее всех живых! От осознания этого в воздухе веет весной, той далёкой весной 1940 года. Лет через семьдесят внуки и правнуки сегодняшней молодёжи спросят: а что произошло весной 2010 года? И чтобы ответить на этот вопрос, чтобы весна 1940 года не повторялась, необходимо сегодня установить истинные причины катастрофы, выяснить правду, какой бы горькой она ни была.

Для получения более полной картины событий в последние минуты полёта, необходимо объединить в единую таблицу все транскрипции переговоров, опубликованные на официальном сайте МАК: переговоры экипажа самолета ТУ-154 М б/н 101, радиопереговоры диспетчера на СКП (стартовый командный пункт), телефонные переговоры на СКП и «открытый микрофон» на СКП. Необходимо обратить внимание и соотносить не только разницу во времени, но и на то, кто даёт команды. В зависимости от источника, данные позиции не совпадают (несовпадения выделены шрифтом). Объяснить несоответствия во времени поступления конкретной реплики можно либо недостоверностью расшифровки, либо умышленным вмешательством в записи, которые подлежали дальнейшей расшифровке.

Исходя из транскрипций переговоров, представленных на сайте МАК, очевидным является то, что в планы пилотов не входила посадка самолёта любой ценой, вопреки отчету МАК. Более того, пилоты чётко осознавали, что из этого ничего не выйдет, и планировали контрольный подход, а с высоты принятия решения (100 метров) уход на второй круг.

Переговоры с ТУ-154 М	10:25:01,1–10:25:10,0	КВС	Спасибо, но если возможно, попробуем подход, но если не будет погоды, тогда отойдём на второй круг.
Переговоры с ТУ-154 М	10:26:19,1–10:26:24,7	КВС	В данный момент, в тех условиях, которые сейчас есть, мы не сможем сесть.
Переговоры с ТУ-154 М	10:26:26,0–10:26:30,9	КВС	Попробуем подойти, сделаем один заход, но скорее всего, ничего из этого не получится.
Переговоры с ТУ-154 М	10:26:44,8–10:26:47,3	КВС	Можем полчаса повисеть и улететь на запасной.
Переговоры с ТУ-154 М	10:32:55,8–10:32:58,9	КВС	Заходим на посадку. В случае неудачного захода уходим в автомат.
Переговоры с ТУ-154 М Радио-переговоры на СКП	10:35:22,6–10:35:28,5	Д	Польский 101, и от 100 метров быть готовым к уходу на второй круг.
Открытый микрофон на СКП	10:35:22	Д	
Открытый микрофон на СКП	10:35:22	Д	
Переговоры с ТУ-154 М Радио-переговоры на СКП	10:35:29,5–10:35:30,2	КВС	Так точно.
Открытый микрофон на СКП	10:35:28	КВС	
Открытый микрофон на СКП	10:35:29,5	КВС	

Полёт протекает спокойно в рабочем режиме, а вот на стартовом командном пункте царит полный хаос похожий на панику. Наземные службы не выходят на связь с польским бортом в течение почти 5 минут с 10:25:34,2 до 10:30:10,2 и вообще теряют его из виду. Что произошло в этот момент, что привело к исчезновению самолёта с экрана радара? Об этом в отчёте МАК нет даже упоминания, равно как и том, что наземные службы аэродрома Смоленск «Север-

ный» не знали, что делать с направляющимся к ним польским бортом, и постоянно с кем-то связывались по телефону для получения указаний. Решения о конкретном запасном аэродроме так и не было принято до момента катастрофы.

(Д — диспетчер; РП — руководитель полётами; КВС — капитан воздушного судна;

Крас. — Н.Е. Краснокутский; нрзб. — неразборчивый текст)

Переговоры с ТУ-154 М Радио-переговоры на СКП	10:25:25,3–10:25:31,0	Д	1–0-1 с курсом 40 градусов, снижение 1500.
Открытый микрофон на СКП	10:25:24	РП	
Открытый микрофон на СКП	10:25:24	РП	
Переговоры с ТУ-154 М Радио-переговоры на СКП	10:25:32,0–10:25:34,2	К В С	1500 с курсом 40 градусов.
Открытый микрофон на СКП	10:25:31	К В С	
Открытый микрофон на СКП	10:25:31	КВС	
Радио-переговоры на СКП	10:25:59	Крас.	Краснокутский, значит, делает контрольный заход, решение командира, делает контрольный заход до высоты принятия решения 100 метров, уход, готовность Минска, Витебска на запасной пусть запросят.
Открытый микрофон на СКП	10:25:59	Крас.	
Открытый микрофон на СКП	10:26:17	Крас.	Доводим до 100 метров, 100 метров без разговоров...
Радио-переговоры на СКП	10:27:20	Крас.	Анатолий Иванович, ну что с запасными? Давайте побыстрее, а то...
Открытый микрофон на СКП	10:27:20	Крас.	
Телефонные переговоры	10:27:20	РП	Анатолий Иванович, ну что с запасными?
Телефонные переговоры	10:27:24	РП	Давайте побыстрее, а то...
Телефонные переговоры	10:27:22	Д	Ну, Витебск, Минск, мы сейчас им скажем (нрзб).
Радио-переговоры на СКП	10:27:56	РП	Анатолий Иванович, и куда ему выходить надо согласовать.
Открытый микрофон на СКП	10:27:56	РП	
Радио-переговоры на СКП	10:28:03	РП	И куда ему выходить надо согласовать, точку выхода.
Открытый микрофон на СКП	10:28:03	РП	
Открытый микрофон на СКП	10:28:27	РП	Не проспать бы его, с курсом 40 идет, чтоб довернуть его вовремя. Где он, блядь, сейчас?
Открытый микрофон на СКП	10:29:05	РП	Так, так, так, так, так, блядь, где-то ж должен быть.
Открытый микрофон на СКП	10:29:20	РП	Ёб твою мать, всё один к одному, блядь.
Открытый микрофон на СКП	10:29:34	РП	Где-то 25 километров, пока не наблюдаю.
Открытый микрофон на СКП	10:29:38	А	Ты его не видишь, да?
Открытый микрофон на СКП	10:29:39	РП	Да, пропал.
Открытый микрофон на СКП	10:29:48	РП	Вот он вижу... 20 километров.
Переговоры с ТУ-154 М	10:30:10,2–10:30:13,0	КВС	Корсаж, польский 101, сохраняем 1500.
Радио-переговоры на СКП	10:30:09	КВС	
Открытый микрофон на СКП	10:30:09	КВС	
Телефонные переговоры	10:30:36	РП	Блядь, к нам заходит пока, да. Ну, да так сказали, блин, заводить пока.
Открытый микрофон на СКП	10:30:34	РП	

Стоп. Кто дал указание заводить самолёт?

Открытый микрофон на СКП	10:31:16	РП	Диспетчера, ну какой, запасной какой?
Телефонные переговоры	10:31:17	РП	Ну какой?
Телефонные переговоры	10:31:18	РП	Запасной какой?
Телефонные переговоры	10:31:20	Д	Ну, Витебск, Минск, он ... же пока мы с зоной согласовываем.
Открытый микрофон на СКП	10:31:23	РП	Анатолий Иванович, поторопитесь, он уже на кругу, ему ж будет нужно
Телефонные переговоры	10:31:23	РП	куда-то говорить, он так и будет у нас летать тут.
Открытый микрофон на СКП	10:31:39	РП	Контроль за высотой (нрзб).
Открытый микрофон на СКП	10:31:42	Крас.	Нет. Вы свою обязанность выполнили...
Открытый микрофон на СКП	10:31:48	Крас.	Предупреди его, у нас 100 метров, решение доложить на 100 метрах.
Открытый микрофон на СКП	10:32:29	РП	<i>Не знаю, я бы на месте Москвы сюда бы не гнал.</i>
Открытый микрофон на СКП	10:32:34	Крас.	<i>Это решение (нрзб) международного номер один, он там сам (нрзб).</i>

А вот и ответ. Все-таки это было указание из Москвы, «международного номер один», только вот в отчете МАК нет ни слова о том, от кого поступила команда заводить самолёт на аэродром Смоленск «Северный», несмотря на отсутствие погодных условий.

Существует еще один интересный момент, на который стоит обратить внимание. В тот момент, когда пилоты обсуждают между собой погодные условия и полученное разрешение на снижение до 500 метров (высоты круга),

Переговоры с ТУ-154 М	10:30:14,2–10:30:21,0	Д	Польский 1–0–1, по давлению 7–4–5 снижение 500.
Радио-переговоры на СКП	10:30:12	РП	
Открытый микрофон на СКП	10:30:14	РП	

капитан воздушного судна неожиданно обращает с вопросом к стюардессе: Что с нами, Бася?

10:30:54,4–10:30:55,1 КВС — Что с нами, Бася? Со z nami, Basiu?

Хочу обратить внимание, что этот вопрос прозвучал через 1 мин. 06 сек. после того, как борт 101 появился вновь на экране радара после исчезновения. А через 5 мин. 42 сек. после этого вопроса, в 10:36:36 один из членов экипажа самолета начинает кашлять, чего не было на протяжении всего полета, кашель продолжается на протяжении более 2 минут до 10:39:02. Кашель был у члена экипажа, имевшего микрофон, а значит, либо у второго пилота, либо у капитана воздушного судна. Скажите, ничего странного, с каждым может случиться. И с этим можно было бы согласиться, если бы этот полёт не закончился так, как он закончился. Так что же произошло с польским бортом 101 еще в воздухе? Что привело к исчезновению самолета с экрана радара? Что вызвало продолжительный кашель у второго пилота или КВС? Что привело к неадекватным, по мнению МАК, действиям экипажа самолета? Что с нами, Бася?

Версия катастрофы самолёта по причине неадекватных решений капитана воздушного судна и неправильных действий со стороны экипажа под психологическим давлением пьяного Главнокомандующего ВВС Республики Польша А. Бласика очень несостоятельна и в высшей степени оскорбительна не только для семей погибших, но и для польского и российского народа. До тех пор, пока будут придерживаться этой лживой версии, польский народ будет устраивать манифестации перед Посольством РФ в Варшаве с транспарантами и лозунгами: «Mord katyński 1940. Mord smoleński 2010» («Катынское убийство 1940. Смоленское убийство 2010»); «Smoleńsk 2010. Milczenie jest kłamstwem» («Смоленск 2010. Молчание — ложь»). Администрация города Смоленска будет бояться сопоставления прошлогодней тра-

гедии с катынскими событиями 1940 года, и под покровом ночи будет тайно демонтировать мемориальную доску, установленную родственниками погибших на памятнике жертвам авиакатастрофы, заменяя ее на новую, в которой отсутствуют слова о том, что погибшие направлялись на памятные мероприятия, «посвящённые 70-й годовщине советского геноцида в катынском лесу над военнопленными офицерами Войска Польского в 1940 г.».

Вот десять «почему», правомерно обращённые к российской стороне, и так и остающиеся без ответа:

1. *Dlaczego już dzień po katastrofie Rosjanie niszczyli wrak samolotu?*

Почему на следующий день после катастрофы россияне начали уничтожать обломки разбитого самолета?

2. *Dlaczego Moskwa nie chce oddać czarnych skrzynek?*

Почему Москва так долго не хочет отдавать чёрные ящики?

3. *Dlaczego stenogramy zawierają nieprawdziwe informacje?*

Почему стенограммы содержат недостоверную информацию?

4. *Dlaczego Rosjanie przekazali polskim pilotom błędne karty lotniska?*

Почему россияне передали польским пилотам неверные карты аэродрома?

5. *Dlaczego kontrolerzy lotu nie zamknęli lotniska, choć powinni to zrobić?*

Почему руководители полётами не закрыли аэродром, хотя были обязаны это сделать?

6. *Dlaczego rosyjscy eksperci kłamią, że polscy piloci próbowali lądować?*

Почему российские эксперты лгут, что польские пилоты пробовали приземлиться?

7. *Dlaczego kontrolerzy podawali pilotom złe informacje?*

Почему руководители полётами дали пилотам неверную информацию?

8. Dlaczego Kreml boi się ujawnić dokumentów lotniska w Smoleńsku?

Почему Кремль боится рассекретить документы аэродрома в Смоленске?

9. Dlaczego pod naciskiem Moskwy zmieniono zeznania kontrolerów lotu?

Почему под давлением Москвы оказались изменены показания руководителей полётами?

10. Dlaczego wokół lotniska wycięto drzewa, które były jednym z dowodów oficjalnej wersji katastrofy?

Почему около аэродрома вырублены деревья, которые являлись одним из доказательств официальной версии катастрофы?

От редакции.

По данным РИА «Новости», варшавский архиепископ Казимеж Ныч призвал поляков спустя год после авиакатастрофы под Смоленском завершить траур и вернуться к обычной жизни. «Спустя год после смоленской катастрофы в соответствии с польской и католической традицией завершается время траура. Необходимо ясно понимать, что кладбище — это не наша святыня и не наш дом», — сказал он. По его словам, в годовщину трагедии — 10 апреля 2011 года — этот трудный для поляков год будет закрыт, пишет РИА Новости. «Нельзя бесконечно останавливаться на вопросе “почему так произошло?”, а сказать себе, что на все воля Божья».

11 апреля, — сообщает тот же источник, — Президент России Дмитрий Медведев и Президент Польши Бронислав Коморовский почтили память жертв, произошедшей год назад авиакатастрофы польского борта

номер один. Президенты прибыли на место крушения лайнера и подошли к берёзе, которая стала первым препятствием на пути польского самолета. Солдаты Почётного караула установили к дереву венки, Медведев и Коморовский расправили на них ленты и почтили память жертв авиакатастрофы минутой молчания.

По данным «Сибирской католической газеты», 10 апреля этого года ранним утром на взлетной полосе Варшавского военного аэродрома Окэнтые состоялось экуменическое богослужение без участия СМИ, на которое собрались члены семей погибших. В Кракове в 10 утра Мессу на площади перед Кафедральным собором в Вавеле возглавил архиепископ Краковский, кардинал Станислав Дзивиш. Молились в этот день и на Ясной Гуре, в часовне чудотворной иконы Матери Божией Ченстоховской. Настоятель часовни о. Роман Маевский в своей проповеди, в частности, упомянул о скандальном происшествии этих дней: смене мемориальной доски в Катыни российской стороной.

Борис Соколов на Грани.ру пишет: «Теперь на ней (табличке — ред.) уже не написано, что польская делегация летела почтить память убитых в Катыни. Советник польского президента Томаш Наленч выразил мнение, что табличку на камне заменили без указания Кремля. Конечно, польской стороне очень хотелось бы так думать, чтобы не поднимать скандал на более высокий уровень. Однако, зная истинную степень самостоятельности российских губернаторов, особенно тогда, когда дело касается проблем, связанных с внешней политикой, в самодеятельность смоленского губернатора, заодно попытавшегося переложить ответственность на городские власти, верится с трудом».

Борис Соколов

Те, кто уцелел

Жалею ли я об участи старых большевиков, столь безжалостно истреблённых Сталиным? Сочувствую ли я им? Многих из тех, кого я лично знала и кто в частной своей жизни был неплохим человеком, мне просто по-человечески жаль. Но, когда я думаю о старых большевиках как о социальной группе, я не нахожу в своей душе ни жалости, ни сочувствия им... Они не только создали это государство, но и безоговорочно поддерживали его чудовищный аппарат бессудных расправ, угнетения, террора, пока этот аппарат не был направлен против них... И если вообще можно применять слово «справедливость» к делам советских органов госбезопасности, то, быть может, истребление старых большевиков было в каком-то смысле самой справедливой из всех совершённых ими несправедливостей. Старые большевики это чудовище создали, они от него и погибли.

Лидия Шатуновская. «Час расплаты. Глава из книги воспоминаний»//Континент. 1981. № 27

Известный американский историк и политолог и большой друг России Стивен Коэн, на протяжении тридцати лет являвшийся профессором политических наук Принстонского университета, в своей новой книге стремится показать роль тех, кому довелось выжить в годы сталинских репрессий, в становлении и развитии хрущёвской «оттепели», а также значение их деятельности для современной российской политической ситуации. Он взял за основу книги свою работу, в основном написанную еще в 1983 г., но ранее не публиковавшуюся, и дополнил её рядом актуальных рассуждений. Первоначальный замысел сводился к тому, чтобы показать судьбы людей, вернувшихся из ГУЛАГа в советское общество эпохи «оттепели». По признанию Коэна, «рукопись создавалась в очень непростых условиях доперестроечной, застойной Москвы конца 1970-х и начала 1980-х годов, когда сама эта тема и всё, что с ней связано, находились под официальным запретом».

Автор книги после успеха своей биографии Бухарина, в эпоху перестройки ставшей чуть ли не настольной книгой и советского, и американского политического руководства, задумал создать коллективную биографию уцелевших — от их освобождения из ГУЛАГа до попыток вновь занять достойное место в советском обществе. Он считает, что при Хрущёве советское общество не было тоталитарным, или, по крайней мере, являлось не вполне тоталитарным. Коэн утверждает, что в советологии доперестроечных времён «большинство авторов, твёрдо придерживаясь “тоталитарной” модели, по-прежнему рассматривали советскую политическую систему в отрыве как от истории, так и от общества, считали её не подверженной влиянию последних и, значит, неизменной по существу. Воздействие, которое оказали в 1950–1960-е годы гулаговские “возвращенцы”, заставляло взглянуть на дело иначе. Их судьбы были центральным фактором историзованной политики того периода, когда споры о прошлом стали неотъемлемой частью борьбы за власть и выбор политических решений среди верхушки партийного руководства». Тут надо

отметить, что теория превращения тоталитарных режимов в авторитарные в послесталинский период в СССР и странах Восточной Европы, а позднее в Китае и Вьетнаме, стала весьма популярной в перестроечные и постперестроечные времена. Утверждалось, в частности, что в Советском Союзе режим становится авторитарным уже при Хрущёве, а в Польше, например, с приходом к власти Владислава Гомулки. При этом утверждалось, что тоталитарный режим не подвержен изменениям, что вряд ли справедливо. Таким образом, в частности, выводится из-под удара ряд тех бывших коммунистических функционеров, которые продолжили успешную карьеру в политике или в бизнесе в большинстве постсоциалистических государств. Эти функционеры вроде бы оказываются никак не связаны с ненавистным народом тоталитаризмом. Однако с собственно научной точки зрения попытки отрицать тоталитарный характер государства при приемниках Сталина и их современниках в Восточной Европе вряд ли справедливы. Ведь ни декларируемое сверху идеологическое единство общества, ни однопартийность, ни отсутствие легальной оппозиции никуда не делись и при Хрущёве. Что же касается отдельных послаблений, как в экономической, так и в политической сфере, равно как и осуждение поверженных вождей, они характерны были не только для эпохи Хрущёва, но и для эпохи Сталина.

Да и вряд ли можно считать «возвращенцев из ГУЛАГа» одним из главных факторов «историзации» политики в то время. Хрущёв просто пытался использовать их в борьбе против «культы личности и его последствий», а также против соперничавших с ним членов Президиума ЦК, которым не по душе было публичное осуждение Сталина. Однако в этой борьбе, преимущественно аппаратной, уцелевшие узники, выпавшие из номенклатуры, играли сугубо вспомогательную роль. Характерно, что практически никто из реабилитированных, а также их детей, не сделал впоследствии выдающейся партийной или советской карьеры. Их прежние места в номенклатуре оказались прочно заняты теми, кто их сажал, и их детьми. Одно из немногих исключений здесь, на которое указывает Коэн, — это глава коммунистов Белоруссии

и кандидат в члены Политбюро Пётр Машеров, чей отец умер в сталинских лагерях.

Коэн в качестве источников использовал по большей части неопубликованные рукописи мемуаров и дневников репрессированных и собственные беседы с ними. Особенно важны были для него знакомство с вдовой Бухарина Анной Лариной и с историками Роем Медведевым и Антоном Антоновым-Овсенко. Всего же американский исследователь контактировал в Москве более чем с двадцатью бывшими узниками ГУЛАГа и их близкими родственниками. Здесь учёный приобрёл навыки конспирации, поскольку властями такие контакты совсем не поощрялись. А Коэн к тому же участвовал в передаче рукописей репрессированных на Запад, что было и вовсе подсудным делом. Его знакомые представляли прежде всего партийную и советскую элиту. В то же время американский историк подчёркивает, что, «вопреки распространённому в России и на Западе устойчивому политическому мифу, подавляющее большинство жертв сталинского террора — 70 и более процентов — не были членами партийной или советской элиты». Он признаёт, что Солженицын, Медведев и Антонов-Овсенко опередили его в обращении к свидетельствам уцелевших узников ГУЛАГа, но он был первым из иностранцев, кто занялся этим благородным делом. Коэн лично побеседовал примерно с двумя десятками «возвращенцев» в Москве. Кроме того, он проанкетировал около двадцати бывших узников на территории СССР за пределами Москвы, а также на Западе. Кроме того, примерно о двадцати выживших Коэн получил сведения из литературы. Он не раскрыл имён многих своих информаторов, поскольку, «хотя большинства из них уже нет в живых, я предпочитаю сохранить инкогнито ряда личностей — отчасти из-за неопределённости ситуации в сегодняшней России, а, возможно, просто потому, что не люблю изменять данным обещаниям и некогда усвоенным привычкам».

Одна из главных тем, которая интересовала Коэна, это обстоятельства освобождения: «Кто выжил и почему? Одни выстояли, потому что были сильны духом и телом или так сложились обстоятельства: работа досталась менее тяжёлая или досрочно выпустили на поселение. Другие уцелели, став стукачами и сотрудничая, тем или иным способом, с лагерной администрацией. Многие из «возвращенцев»... не желали говорить на эту тему, а если и говорили, то без упреков в чей-либо адрес, но были и такие, которые обвиняли сокамерников в продажном поведении и хотели, чтобы я также осудил их».

Коэн отмечает, что некая «мода на реабилитированных» существовала вплоть до падения Хрущёва. До этого некоторые из уцелевших жертв активно участвовали в комиссиях по реабилитации и выступали в печати с разоблачениями сталинских преступлений. При этом «осмелевшие и вдохновлённые примером Хрущёва, жертвы принялись также решительно преследовать тех, кто нёс персональную ответственность за их судьбы». Правда, воевать по преимуществу при-

ходило в основном с мёртвыми, вроде поклонника «царицы доказательств» сталинского прокурора Андрея Вышинского, которого хотели даже убрать из кремлевской стены, подобно тому, как Сталина вынесли из мавзолея. Большинство же тех, кто пережил Сталина и был причастен к репрессиям, находились вне власти выживших и так и не были привлечены к ответственности в короткий период «оттепели». Деятельность же выживших носила по большей части литературный характер. По мнению Коэна, «в какой-то момент даже относительно молодые люди, которых Хрущёв привлёк в свои советники, решили, что его инициативы угрожают слишком многим людям, возможно, системе в целом. В отличие от Суслова, у Леонида Брежнева и других деятелей, правивших страной в последующие 20 лет, не было или почти не было крови на руках, но зато в избытке имела на подолках (Брежнев был причастен лишь к депортации из Молдавии кулаков, сектантов и прочих «антисоветских элементов» в 1952 г. — Б.С.). Стремительно поднявшиеся вверх при Сталине, после того как их предшественников смыло волной террора, они испытывали «комплекс по поводу прошлого». Их дезертирство из лагеря Хрущёва началось уже в 1957 году, когда Дмитрий Шепилов отказался отправить «на скамью подсудимых» старших товарищей — сталинистов. А в 1961 году большинство новых кремлевских лидеров, разделивших с Хрущёвым коллективное руководство страной, проигнорировали инициативы своего благодетеля, выдвинутые им на XXII съезде, показательно отмолчавшись в вопросе о преступлениях прошлого. И даже те немногие из высокопоставленных делегатов, кто поддержал антисталинскую линию Хрущёва, на самом деле были «против всего этого». Здесь лежит одна из важных причин падения Хрущёва. Даже его собственные выдвиженцы в своем подавляющем большинстве не поддерживали антисталинскую кампанию, поскольку прекрасно помнили, что обязаны своей быстрой карьерой террору 30-х годов. В «возвращенцах» из ГУЛАГа они видели своих опасных конкурентов, да и для Хрущёва эти «возвращенцы» отнюдь не были самыми близкими людьми. В результате к моменту октябрьского кризиса 1964 г. у Хрущёва практически не осталось людей в партийном аппарате, на которых он мог бы опереться.

Коэн отмечает, что после свержения Хрущёва статус жертв сталинизма менялся в зависимости от отношения властей к наследию Сталина и Хрущёва, «а также отношением к ним со стороны сил реформы и консерватизма внутри политического истеблишмента». При Брежневе, как отмечается в книге, реабилитации практически прекратились (было реабилитировано только 24 человека). Как подчеркивается в книге, «архивные находки показали, с каким презрением премники Хрущёва относились и к инициативам своего патрона, и к его “зекам”». За время правления Брежнева «многие бывшие чины сталинских репрессивных органов получили почётные должности или были освобождены из тюрем с хорошими пенсиями. Другие непосредственные участники террора переквалифи-

цировались в добропорядочных служащих, как, например, Лев Шейнин, в своё время помогавший Вышинскому фальсифицировать московские процессы и готовить юридическое уничтожение обвиняемых, а позже ставший заслуженным писателем. Многие реабилитированные, между тем, «перестали себя чувствовать реабилитированными». Большинство из них жили тихо, не высывались и были оставлены в покое, но значительное число молчать не желали и были согласны с Антоновым-Овсеенко, что «писать правду о Сталине — это долг перед всеми погибшими от его руки. Перед теми, кто пережил ночь. Перед теми, кто придёт после нас». Не случайно многие бывшие узники ГУЛАГа и их дети стали впоследствии диссидентами в брежневские времена. При Хрущёве диссидентства ещё не было, поскольку жила надежда на то, что будут осуществлены какие-то реформы по превращению мрачной советской действительности в «социализм с человеческим лицом».

Многие «возвращенцы» продолжали борьбу со сталинизмом на литературном фронте. Коэн приводит внушительный список писателей и поэтов, чьи родители или они сами были репрессированы. Некоторые из них, в частности, Солженицын, от литературной оппозиции в конце концов перешли к оппозиции политической.

Коэн описывает и возрождение борьбы со сталинизмом в горбачёвскую перестройку, когда только за 1987–1990 гг. было реабилитировано более 1 млн. человек, а в 1991 г. — и все оставшиеся жертвы политических репрессий. Это сделал уже президент России Борис Ельцин, распространивший реабилитацию на все жертвы советского режима, начиная с 1917 г. А родственников, репрессированных при Сталине, сегодня имеют 27 млн. россиян. В книге отмечается, что среди репрессированных были близкие родственники Горбачёва, а также таких видных членов его Политбюро, как Борис Ельцин, Егор Лигачёв, Эдуард Шеварднадзе, Вадим Бакатин. В то же время, как отмечает Коэн, правительство Горбачёва оказалось слишком слабым и не смогло обеспечить выплату реабилитированным и их семьям, многие из которых влачат жалкое существование, достойную компенсацию. По мнению Коэна, «к 1993 году интерес к сталинскому террору и его жертвам в российском обществе претерпел катастрофический упадок», вследствие чего мемориал жертвам политических репрессий, обещанный ещё в 1961 г. Хрущёвым на XXII съезде партии, так и не был построен. По мнению американского историка, «возрождение сталинизма — так же, как в своё время при Брежневе — похоже, в какой-то степени было и до сих пор остаётся формой народного протеста против новой государственной бюрократии, сформировавшейся при Ельцине». Как считает Коэн, «не наблюдалось при Путине и подавления антисталинизма. Доступ к соответствующим архивным делам, хотя и стал несколько ограниченным, сохранился, во всяком случае, в тех архивах, в которых я работал — и были рассекречены новые, в провинциальных архивах. Продолжали публиковаться сборники се-

кретных документов по истории террора. Переименованный в ФСБ, КГБ, продолжая начатую при Горбачёве практику, устраивал встречи с некоторыми бывшими зеками и даже удостоивал их почестей...» Вот в этом пункте книга Коэна уже успела устареть. После создания президентской комиссии по борьбе с фальсификациями истории, наносящими ущерб интересам России, а также открытия уголовного преследования историка Михаила Супруна и полковника МВД Александра Дударева, занимавшихся составлением базы данных репрессированных немцев, между прочим, на средства Германского Красного Креста, говорить о свободном доступе историков к архивам сталинского периода уже не приходится. Власти стремятся ввести контроль за новейшей историей России и, в частности, строго дозировать критику Сталина, в особенности оберегая от критики его внешнюю политику и руководство страной в годы Великой Отечественной войны.

С одной стороны, он публично поддержал учебник истории, в котором Сталин был назван «эффективным менеджером», а массовый террор рассматривался как «рациональный тип мобилизации общества для целей модернизации. С другой стороны, Путин в начале своего президентства приказал расширить расследование преступлений сталинской эпохи, а в конце своего второго президентского срока лично вручил высший государственный орден Солженицыну и посетил в день памяти жертв политических репрессий Бутовский полигон — место массовых захоронений расстрелянных. Американский исследователь при этом делает вывод о том, что «противоречие в поведении Путина говорит о том, что в российской политической элите и в обществе в целом до сих пор существует глубокий раскол по поводу отношения к сталинскому прошлому». Заметим, что всё же нельзя всерьёз считать равнозначными вещами чистые пиар-акции с Солженицыным и Бутовским полигоном, с одной стороны, и во многом просталинистский учебник, написанный с одобрения администрации президента и призванный внушить десяткам миллионов школьников, что государственная власть всегда права, что массовые репрессии могут быть оправданы, если они служат целям развития страны и укрепления её обороноспособности, а создание империи — дело благое. Не стоит забывать также, что именно Путин вернул сталинский гимн. Нет никаких сомнений, что Путин воспринимает Сталина в качестве положительного примера именно как строителя империи. Если же обратиться к последним высказываниям о Сталине, сделанным Путиным во время прямой линии с телезрителями 3 декабря 2009 г., то он фактически повторил тот же тезис о «позитивных результатах» сталинского правления, пусть и достигнутых «неприемлемой ценой»: «Очевидно, что в первый период правления Сталина страна изменилась, став из аграрной индустриальной. Под руководством Сталина страна выиграла Великую Отечественную войну. Но весь тот позитив, который был при Сталине, достигнут неприемлемой ценой. Репрессии были, и это неприемлемо. Был культ личности, и преступления

против собственного народа, и это факт». И тогда же Путин замечательно продемонстрировал, что его оценки Сталина — это не более чем пиар-акция, они меняются в зависимости от аудитории: «Очень много дискуссий в обществе, и засады здесь вижу: скажешь — “положительно” — одни будут недовольны, скажешь — “отрицательно” — другие» (<http://grani.ru/Politics/Russia/m.163063.html>). И никакого противоречия в путинских оценках Сталина, равно как и в отношении к сталинскому наследию нынешней правящей российской элиты, на самом деле не было, и нет. Путин и его товарищи во власти вполне принимают у Сталина и имперскую внешнюю политику, и «твёрдую руку» внутри страны. Но при этом они отвергают массовые репрессии, особенно против самой элиты, поскольку при проведении такой политики могли бы сами оказаться в числе её жертв. Как кажется, Коэн, в высшей степени критически относясь к Ельцину, склонен несколько идеализировать Путина. Зато он прав, когда обращает наше внимание на то, что последние социологические опросы доказывают, что «нация практически поровну разделена на тех, кто думает, что Сталин был «мудрым руководителем», и тех, для кого он был «бесчеловечным тираном», причём среди молодых россиян просталинские настроения распространены не менее широко». Стоит заметить, что «мудрым руководителем» и «эффективным менеджером» Сталин был только по отношению к самому себе, к укреплению собственной единоличной власти и её

распространению на как можно большее число стран и народов.

Автор книги считает, что сегодня символическим выражением конфликта «двух России» — той, что сидела, и той, что сажала, является «кампания за создание национального мемориального музея памяти сталинских жертв. Теперь её возглавляет бывший советский президент Горбачёв, общество “Мемориал”, “Новая газета” и один из главных её акционеров Александр Лебедев (между прочим, отставной подполковник КГБ. — Б. С.), а противостоит им армия коммунистов и просталински настроенных националистов». Бросается в глаза, что обе стороны в этой борьбе представляют собой силы, для современной России маргинальные, а власть при этом остаётся как бы над схваткой и в зависимости от политической конъюнктуры оказывает знаки внимания то одной, то другой стороне.

Коэн полагает, что «возглавить новое сведение счётов с прошлым должно, скорее всего, поколение, созревшее в эпоху горбачёвской гласности — точно так же, как «дети XX съезда» и хрущёвской оттепели возглавили его предыдущий этап в конце 1980-х годов». Боюсь, однако, что новый расчёт с прошлым может произойти только после того, как нынешняя политическая система в России будет изменена, и кардинальным образом. А тогда расчёт будет происходить не со сталинским, а с куда более близким, путинским прошлым.

Александр Рашин

И снова о смерти Сталина

Советы не будут удовлетворены, пока весь мир не станет коммунистическим.

Саддам Хусейн, 1978 г.

1. Внутривнутриполитические и геополитические цели «Дела врачей»

Часто утверждается, что Сталин был параноиком. Но для убийцы миллионов боязнь покушения не паранойя, а здравый смысл. На мой взгляд, Сталин не был и патологическим антисемитом вроде Гитлера. Он прагматически убивал миллионы, когда это было выгодно для достижения его целей. Всемирная победа коммунистической революции была последовательной геополитической целью Ленина-Сталина и их наследников. Менялись только отдельные тактические элементы её достижения.

После войны Сталин занялся консолидацией своего личного контроля, устраняя или понижая в должности способных этому помешать. В 1946 году Берия был отстранён от контроля над НКВД, который (под

именем МВД) был передан под контроль его заместителя Круглова. Круглов не был ставленником Берии, а являлся некоторое время заместителем Абакумова в СМЕРШе. МВД контролировало ГУЛАГ и внутреннюю безопасность. Другое подразделение, НКГБ, отвечало за контрразведку, шпионаж и внутреннюю политическую безопасность. В 1946 году протееже Берии, Меркулов, был отстранён от руководства НКГБ (переименованного в МГБ и переданного конкуренту Берии, Абакумову).

Берия оставался заместителем Председателя Совета Министров, и ему была поручена разработка атомной бомбы. Он участвовал в тех операциях МГБ, которые были нужны для выполнения этой задачи. Маленков сохранил своё место в Политбюро, но был выведен из Секретариата ЦК за провал контроля авиационной промышленности и отправлен в Казахстан.

Хрущёв вообще исчез на несколько месяцев, позже утверждая, что был болен.

[Рец. на кн.:] Коэн С. Долгое возвращение. Жертвы ГУЛАГа после Сталина. Пер. с англ. И. Давидян. — М.: АИРО-XXI; Новый Хронограф, 2009. — 144 с.

Сталин продвигал новую группу к рычагам власти. Главой новой группы был Андрей Жданов, сталинский предвоенный фаворит, во время войны возглавлявший ленинградскую парторганизацию и оттеснённый Маленковым. Новое руководство продержалось недолго. В июне 1948 года Жданов был заменён Маленковым и умер 31 августа. Вскоре Маленков и Берия сошлись, при поддержке Сталина, «Ленинградское дело», в результате которого было уничтожено всё ленинградское руководство. Ленинградское руководство было этнически русским и склонным к созданию автономных от московского союзного руководства Российского бюро ЦК ВКП (б) и столицы РСФСР в Ленинграде.

Смена руководства произошла после двух важных событий: создания в мае 1948 года проводившего независимую от СССР политику государства Израиль и провала советских попыток в марте-июне 1948 года захватить контроль над Коммунистической партией, а, следовательно, и над государством Югославия, что привело к противостоянию с Иосипом Броз Тито. С этого момента антисемитизм фигурировал как «антисионизм», наряду с «антиититоизмом», и был включён в список главных лозунгов «антиимпериалистической» борьбы. Израиль и Югославия были воплощением независимости и вызова Сталину. Жданов, согласно доступной информации, был проводником политики расширения советского контроля посред-

ством манипулирования левыми группами, зависевшими от поддержки СССР. Эта политика сработала в большинстве восточноевропейских стран, но провалилась в Югославии и Израиле. Этот провал является одной из вероятных причин падения Жданова.

Сталин приказал устранить в зависимых восточноевропейских странах всех титоистов, реальных, воображаемых и потенциально возможных, и запугать всех остальных. Требовалось рабское послушание от лидеров и народов новых социалистических, «свободных», стран старшему брату. К середине 1949 года большинство антиититоистских кампаний подходило к концу, так же как и надежды Сталина сделать Израиль своей марионеткой. После «титоистов» Сталин взялся за евреев. Он закладывал фундамент следующей кампании. Израиль и евреи с их разнообразными связями с организациями и странами открывали новые возможности для сталинского дьявольского ума. Борьба с сионизмом открывала новые возможности для подчинения Израиля и использования этого государства как плацдарма для завоевания ближневосточной нефти и, таким образом, ослабления Запада. (Гитлер упустил эту возможность, Сталин учился на его ошибках). Кроме этого, в советском блоке практически любой высокопоставленный партиец, чиновник или сотрудник госбезопасности работал с каким-нибудь евреем в какой-нибудь момент и поэтому легко и удобно мог быть, если нужно, пристёгнут к «еврейскому заговору», предоставляя неограниченные возможности для внутривнутриполитических чисток.

Попытка сфабриковать «сионистский заговор» на разгроме Еврейского Антифашистского Комитета (ЕАК) привела к многочисленным расстрелам и тюремным приговорам советской еврейской элиты, но не предоставила необходимых Сталину доказательств террористической деятельности. В 1951 году он переключился на фабрикации «сионистского заговора» на основе «Дела врачей-отравителей». В том же году Сталин арестовал главу МГБ Абакумова, назначив на его место бывшего сотрудника Маленкова партбюрократом Игнатъева. Вскоре ставленники Берии в органах безопасности СССР и стран-сателлитов были арестованы, а над Берией нависла угроза обвинения в массовых репрессиях, велось расследование на его родине — в Мингрелии. Несмотря на резкое падение его статуса и власти, Берия оставался в кругу ближайших сообщников Сталина, но не был включён в организацию «Дела врачей». Сталин также избегал публичных упоминаний своего имени в связи с этим делом.

Краткосрочная игра в тоталитарных режимах хорошо описана Авторхановым [2]: «В деспотических режимах политика — это искусство сменяющихся интриг. Царедворцы интригуют, чтобы приблизиться к тирану, а тиран интригует, чтобы натравить царедворцев друг на друга так, чтобы, поглощённые взаимной враждой, они не смогли организовать заговор против тирана. Сталин и его окружение были непревзойдёнными мастерами этой игры». Краткосрочная цель для каждого из игроков — это остаться в игре и укрепить свои позиции. Выбивание любого игрока

из игры для краткосрочной или долгосрочной выгоды — часть игры. Главные участники игры в рассматриваемый период: Сталин, Маленков, Берия, Хрущёв и Булганин. Никто не мог пойти на риск возражать желаниям Сталина до такой степени, чтобы быть выбитым из игры по его приказу.

Но чтобы правитель был уверен, что придворные будут продолжать игру, следуя правилам, а не просто бросят её, поняв, что уже бесповоротно проиграли, он должен убедить каждого игрока, что у него есть отличный шанс остаться в игре и укрепить своё положение. Каковы могли быть стимулы, предложенные, например, Берии?

2. Позиция и действия Берии

Мингрелы под пытками не дали Сталину никаких доказательств нелояльности своего соплеменника Берии, Берии удалось самому завершить направленную против него чистку в Грузии и минимизировать свои потери там. Из 23-х выступавших по национальному вопросу на XIX партийном съезде в 1952 году только Берия назвал русский шовинизм первым и наиболее опасным из отклонений от национальной политики. Это не вызвало никакой отрицательной реакции во время процесса интенсивной русификации и русского доминирования в партии и правительстве. В 1950 году «интернациональной» команде Маленкова и Берии было позволено уничтожить «русскую» ленинградскую команду Жданова, Вознесенского и Кузнецова. Ещё более интересно отметить совпадение позиции Берии с высказыванием самого Сталина в кратком выступлении в конце съезда: «Раньше буржуазия... отстаивала права и независимость нации, ставя их “превыше всего”. Теперь не осталось и следа от “национального принципа”. Теперь буржуазия продаёт права и независимость нации за доллары. *Знамя национальной независимости* и суверенитета выброшено за борт. Нет сомнения, что *это знамя придётся поднять вам, представителям коммунистических и демократических партий*, и понести его вперёд, если хотите быть патриотами своей страны, если хотите стать руководящей силой нации. Его некому больше поднять». Трое ближайших соратников Берии, Гоглидзе, Кобулов и Меркулов, были избраны кандидатами в члены ЦК вместе с другими союзниками Берии.

Не менее примечательно и то, что, сразу после смерти Сталина, Берия провёл чистку сил безопасности, обвинив их в фабрикации «Дела врачей», подчеркнул интернационализм в противовес русскому доминированию и предложил смягчение режима. Действия Берии сразу после смерти Сталина полностью соответствовали атаке Берии на русский шовинизм на XIX съезде. Замечание в речи Сталина на съезде о «...национальной независимости и суверенитете...» и очевидные попытки Сталина избежать какой-либо публичной связи его имени с организацией «Дела врачей» и антисемитской кампанией, так же как и неучастие в ней Берии, являлись подтверждением намёков в речи Сталина на обещание некоторой демократизации. Разумеется, это была лишь иллюзия. Из-

вестно, что Сталин менял свои лозунги в зависимости от текущей выгодности их для окончательной победы. Русский патриотизм был полезен для победы над Гитлером. Если планируемой зоной расширения его влияния была демократическая Западная Европа, то полезным стал бы лозунг поднятия «брошенного буржуазией знамени», т.е. лжеборьбы за демократию, этот сталинский приём до сих пор стоит на вооружении некоторых российских политиков. Этот лозунг и подтверждающие его политические жесты могли усилить западные левые настроения, а соответственно, и партии сателлитов в борьбе за власть. В реальности это было такой же ложью, как и демократическая сталинская конституция 1936 года, принятая перед многочисленными кровавыми чистками.

Сталин понимал полезность национализма для создания раскола между демократическими национальными государствами и США, их единственной надёжной военной защитой. Отсюда сталинский лозунг о «поднятии коммунистами знамени национальной независимости», так как «теперь буржуазия продаёт права и независимость нации за доллары». Такая формулировка открывала возможности для использования и противопоставления еврейских национальных чувств сионизму. Настало время убедить большой и этнически разнородный социалистический лагерь, что лидеры любой нации не будут дискриминированы на основании своего этнического происхождения в разделе власти и доступе к её вершинам во всей системе. Отсутствие такого доступа могло стать источником опасного националистического раскола. Советский контроль над руководством всей системой, возможно, именно со сталинских планов, стал системой дальнейшего расширения и упрочения контроля КПСС.

Если эти совпадения были частью согласованного плана действий, а не случайностью, то можно предположить, что первый большой удар «Дела врачей» планировался против реальной власти. Возможно, достигнув успеха в «Деле врачей» и расправившись с «сионизмом», «Дело» бы развернули и против руководства партией, сил безопасности и правительства, которые участвовали в антисемитской кампании или могли быть произвольно обвинены в этом Сталиным. Это не остановило бы казни еврейских националистов, или сионистов, и тех, кто им симпатизировал, как и возможной массовой депортации евреев, но масштаб и направление удара, безусловно, могли быть изменены в любой момент. Пример — передача НКВД Берии в 1939 году и дело и судьба «всесильного» наркома Ежова. Аресты Рюмина, Игнатьева, Маленкова и, возможно, Хрущёва, вероятно, начали бы новую чистку.

Вдова Берии утверждала, что прагматичный Берия понимал, что, не будучи русским, он не будет приемлем в качестве верховного властителя после смерти Сталина. Однако у Берии был отличный шанс достичь этого положения в рамках сталинской «интернациональной» тенденции. Если Сталин предложил ему долгосрочный стимул в интриге, то это могла быть

приманка позиции верховного интернационального лидера.

После смерти Сталина Берия начал с устранения большинства русских глав служб безопасности, партии и администрации в союзных республиках, а также ряда армейских командующих, особенно в Московском округе. Он приступил к реализации намеченного развития подвижных диверсионных ударных сил в Европе и на Ближнем Востоке, способных атаковать американские склады ядерного оружия и базы вооружённой им авиации. Разрабатывались планы выведения из строя американских путей военного снабжения Европы. Таким образом, похоже, что и в отсутствие Сталина Берия следовал сталинскому плану внутренней и геополитической игры.

В зловещей гротескной глобальной интриге Сталина был один роковой недостаток.

Как большинство крупных преступников, он повторял элементы своих более ранних успешных преступлений. Авторханов [2] предположил, что Берия первым понял стратегию Сталина, следовавшую схеме 1920-х и 1930-х годов. Сначала устранить старую гвардию при помощи молодой гвардии, а затем молодую гвардию своими новыми выдвиженцами. Однако теперь, на первом этапе, был устранён (естественными или неестественными причинами) сам Сталин, а не старая гвардия. Дальше, по схеме 1930-х, должен был быть устранён Берия. Он мог бы понять, что другие участники сталинской игры попытаются улучшить своё положение, устранив его, и что планы его устранения разработаны его соратниками не менее детально, чем приобретение Берией полного контроля над силами безопасности, так и в иллюзии шанса достичь самого верха иерархии. Он этого не понял и не избежал ареста и расстрела. Авторханов вряд ли прав, считая его преступным гением, равным Сталину [2], удерживавшим власть 29 лет.

Берии, находившемуся в угрожаемом положении и официально отстранённому от контроля над силами безопасности, удалось совершить скачок на второе место в советской иерархии и начать радикальные реформы, нацеленные на получение верховной власти в СССР. Когда после 12-ти часов бездействия охраны, несмотря на явное нарушение распорядка дня Сталина, охранники нашли вождя на полу и позвонили главе МГБ Игнатьеву, тот испугался и переадресовал их к Маленкову и Берии. Маленков не предпринял никаких действий, пока через час не нашёл Берия по телефону. Только Берия тут же приказал охране никому не сообщать о состоянии Сталина. Почему Игнатьев и Маленков отдали право ответственного решения Берии? Почему они потом уступили полный контроль над силами безопасности Берии? Такую власть просто так не отдают... Возможно, теория состоит в том, что передача Берии значительного контроля над силами безопасности и, вероятно, над жизнями сталинского внутреннего круга следовала приказу, отданному Сталиным до его болезни. Ключ к тому, как это произошло, возможно, содержался в двух сообщениях о возражениях Президиума планам депортации всех еврей,

переданных на Запад в 1956–1957 гг. Эренбургом и Пономаренко. Оба сообщения — дезинформация, которая, по определению Судоплатова (шеф разведки КГБ), должна была содержать элементы истины. Какое-то заседание Президиума могло состояться в конце февраля, и члены Президиума уловили намёки на истинные ожидания Сталина. Их возражения могли состоять в том, что следует проводить различие между евреями, «национализм которых неизбежно приведёт к измене» (согласно письму Эренбурга), и преданными евреями-сталинистами. Сталин, вероятно, изобразил недовольство, но предложил, чтобы Президиум поручил Берии разобраться в возражениях. Наверняка все согласились с предложением Сталина, который ворчал по адресу критиков, чтобы обмануть членов Президиума, ответственных за «Дело врачей», но уже подготовил приказы, дававшие Берии чрезвычайные полномочия для расследования. Если Берия мог доказать обычно доносившим друг на друга членам четвёрки, что у него есть приказ Сталина арестовать их 1-го марта, то у них не оставалось иного выбора, кроме как присоединения к угаданному Авторхановым [2] «Заговору Берия».

Однако есть ли серьёзные признаки того, что Сталин умер не от естественных причин, а в результате политического убийства? Согласуются ли официальные диагноз, ход болезни и результаты вскрытия с данными современной медицинской науки? Анализ медиками исчерпывающих обзоров по тысячам медицинских вопросов и свидетельства высококвалифицированных врачей, в том числе патологоанатома, убедительно показывают, что симптоматика (наличие кровотечений во многих органах), наблюдавшаяся у Сталина, в медицинской литературе и практике вообще не встречаются (за исключением патологических ситуаций, напр., СПИДА, общего заражения крови или генетических аномалий). Всё это свидетельствует о чрезвычайно высокой вероятности неестественных причин болезни и смерти Сталина.

По сообщению бывшего офицера [4] КГБ, в конце 1940-х МГБ были разработаны бесследные яды, приводившие к поражениям сердца, инсульту или смерти от удушья, сходному с астматическим. Это делает (при участии в заговоре Игнатьева) в принципе возможным сценарий убийства Сталина при помощи яда, предположенный Авторхановым [1]. Однако получение такого яда из секретной лаборатории могло быть связано с рядом трудностей и опасностей обнаружения заговора, рассматривая ряд возможных сценариев убийства Сталина, не требующих применения высокоспецифического яда и позволяющих учесть не объяснённые ранее приказ Сталина охране идти спать и первое официальное объявление об инсульте Сталина в Кремле (хотя все видели его умирающим на даче в Кунцево). Кровотечения во многих органах могут быть объяснены введением большой дозы доступного медикамента — гепарина, действующего практически мгновенно и выводящегося из организма через 4–8 часов. Суток отсутствия медицинской помощи, обеспеченных приказом Берии охране не беспокоить Стали-

на, было достаточно для вывода гепарина из организма и необратимого развития исходных поражений жизненно важных органов.

3. То, что не обсуждал Авторханов

Почему «инсульт» Сталина «случился» точно в еврейский праздник спасения от уничтожения — Пурим (считающийся едва ли не самым важным праздником в иудаизме и в 1953-м выпавший на 1 марта)? Если «инсульт» действительно *просто случился* в разгар антиеврейской кампании, то он вполне естественно может восприниматься как религиозное чудо. Есть древняя традиция: если чудесное спасение происходит с отдельной общиной, то все её потомки должны это спасение ежегодно праздновать. Если Сталин был убит приближёнными, то это тоже могло восприниматься как чудо. История Пурима описана в библейской Книге Эсфирь. Поскольку Бог в этой Книге ни разу не упоминается, то мудрецы советуют «искать руку Бога в делах человеческих». Как бывший семинарист, Сталин знал Книгу Эсфирь, к тому же ему о ней напомнили в конце Нюрнбергского процесса [1]. Книга Эсфирь, прочтённая без религиозного трепета, — это сценарий чистки. Могущественный визирь предлагает царю уничтожить евреев, и царь поддерживает это предложение. Затем он неожиданно разворачивается на 180 градусов, вешает визиря и его сыновей и позволяет евреям перебить всех сторонников визиря в Персидской империи. Сталин не был оригинальным мыслителем, использовал и повторял чужие идеи и замыслы Ленина, Троцкого. Ещё он был любителем кино и «режиссёром-постановщиком» показательных процессов. Организация чистки и спасения евреев-сталинистов по библейскому сценарию в мировом масштабе могла привлечь его дьявольский ум. Арест им участников организации «Дела врачей» в точности в Пурим (1 марта) придал бы библейскую ауру спасителя культу его личности. Расширил бы круг преданных ему левых во всём мире и был бы крупным идеологическим выигрышем в его конкуренции с сионистами за преданность мирового еврейства. К этому времени он уже посылал в Израиль через Румынию под видом иммигрантов свои диверсионные группы. Гипотетически, было бы логично в рамках сталинских глобальных целей отправить несколько миллионов преданных евреев-сталинистов в Израиль, сдвинуть электорат влево и выиграть выборы. А затем вычистить сионистов и использовать контролируемую им мощь Израиля для завоевания ближневосточной нефти. Эту роль он мог сыграть в апреле, во время еврейского праздника Исхода, в роли уже не «царя-спасителя», а Бога, ведущего свой народ в обетованную землю. Это, вместе с израильским плацдармом, добавило бы в его арсенал религиозные основы Запада и Ислама, резко увеличив возможность присоединения к соцлагерю Западной Европы и Ближнего Востока военно-идеологическими средствами. На Ближнем Востоке евреев убивали бы англичане и их арабские союзники. Всё равно убивали бы столько, сколько нужно для мировой

победы сталинизма. Изощённость Сталина не следует недооценивать.

4. Мог ли Сталин начать войну против Запада в 1953?

Авторханов этот вопрос не рассматривал, а я остановлюсь лишь на нескольких пунктах, ведущих к весьма рациональной гипотезе.

СССР не наложил вето на решение Совета Безопасности послать войска ООН (в основном американские) для защиты Южной Кореи от агрессии с севера. Война велась так, как будто Сталин не позволял Китаю, манипулируя поставками оружия, нанести американцам поражение, изгнав их из Кореи. Напротив: он, видимо, хотел связать в Корее как можно больше американских войск. Сталин помнил, что война с Японией во Второй Мировой не позволяла США высадиться в Европе. Американские военные планировщики предупреждали Трумэна, что продолжение Корейской войны не позволит подготовить защиту Европы до 1956 года, предполагая, что война с СССР может начаться в 1954-м.

У США было около 1000 атомных бомб в 1953-м, а у СССР — около 100. В 53-м у Сталина было около 1000 бомбардировщиков Ту-4, скопированных его инженерами с американской «Летающей Крепости» и способных слетать в любую точку Европы и Ближнего Востока и, в одну сторону, к большинству американских городов. Такие «односторонние» ядерные налёты на США планировались с Дальнего Востока через Тихий океан. В 1953-м детальные инструкции (недавно рассекреченные) по ведению атомной войны были разосланы в группы войск и штабы флотов. Приведены свидетельства о массивном военном строительстве на Дальнем Востоке и переброске на Чукотку советской десантной армии с заданием высадки на Аляске и продвижения на юг США в случае развязывания ядерной войны. В 1953-м американский консультативный комитет сообщил Пентагону, что ядерная война с СССР приведёт к уничтожению трети американской индустрии и 13 миллионам жертв. СССР в этой войне потерял бы 50% индустрии и 25% населения. Учитывалось превосходство советской противовоздушной обороны и меньшая плотность населения. Вряд ли перспектива потери 25% населения остановила бы Сталина. У СССР было преимущество в обычных наземных войсках и неограниченные людские ресурсы коммунистического Китая. Трумэн писал, что, в отличие от Макартура, он не готов начать Третью мировую войну. Сталин же в феврале сказал своим приближённым: «Мы не боимся никого, и если империалистические джентльмены решат начать войну, то нет более благоприятного момента для нас, чем сейчас» [1].

Всё это делает довольно очевидным ответ на вопрос, «Мог ли Сталин начать войну в 1953 году»: «Да, мог, — и, будучи решительным, хитроумным и безжалостным, Сталин мог бы победить». И это покончило бы со всей современной цивилизацией, установив вместо неё на всей Земле единообразный ГУЛАГ. Советские военные и политики и их наследники в победу

верили и верят и после смерти Сталина. В своей секретной речи в Восточном Берлине в 1957-м увековеченный у стен Кремля Г. Жуков утверждал: «Советские войска от Белоруссии до Английского канала дойдут за два дня» [1].

Понимание целей и обстановки последней сталинской кампании, значение смерти Сталина и её обстоятельств, так же как и степень приверженности к сталинским планам его наследников, должны оставаться в памяти и центре внимания всего цивилизованного мира.

1. Рашин А. Почему Сталин не убил всех евреев? — NJ: Francireurusa, 2010.

2. Авторханов А. Загадка смерти Сталина: заговор Берия. 5-е изд. — Frankfurt/Main: Possev-Verlag, 1986.

3. Рашин А. Согласуются ли симптомы и результаты вскрытия с диагнозом болезни Сталина?//Заметки по еврейской истории. — 2009. — № 5 (108).

4. Dzhirkvelov I. Secret servant: my life with the KGB and the soviet elite. — NY: Harper&Row, 1987.

ПИСЬМА И ВСТРЕЧИ

Константин Антипин

«Сталинобус»

Уважаемый господин редактор!

Я читатель «Посева» и хотел бы поделиться ссылкой с сайта «Комсомольской правды», касающейся возможности появления на улицах Москвы автобусов с изображениями Сталина.

Журнал неоднократно поднимает на своих страницах тему необходимости избавления от советской символики, десталинизации и десоветизации, справедливо признавая это необходимым залогом для оздоровления общества. К сожалению, большинство населения России оболванено насаждаемой сверху псевдопатриотическо-советской пропагандой, разрушительное влияние которой трудно переоценить — особенно это касается молодых людей, не нашедших себя в жизни и впитывающие легенды о советском режиме как утешительные сказки — что видно даже по комментариям к статье, среди которых большая часть — хвала Сталину и иже с ним.

Успехов Вам в нелегком труде, спасибо, что нашли время прочитать мое сообщение.

Суважением, Константин, Республика Судан, г.Джуба

<http://www.kp.ru/daily/25674/834548/>

Как сообщили информационным агентствам в Департаменте транспорта столицы, там исключают появление на улицах города автобуса с изображением генералиссимуса

Иосифа Сталина на бортах, так как акция не согласована с властями. «Сталинобус» должен был предстать перед москвичами в честь празднования Дня Победы.

Автобусы с портретами Сталина планировалось пустить сразу в нескольких городах России. При этом сама идея не принадлежит ни одной из партий и общественных движений. Это креатив блогеров, которые, поделившись однажды этой мыслью с интернет-общественностью, в ответ получили широкую поддержку и предложения поддержать акцию финансово, так как размещение портретов на городском транспорте проходит как реклама, за которую надо платить.

И вот, как выяснилось в пятницу, 22 апреля, Москва, похоже, не увидит «сталинобус».

— У нас информации об этой акции нет, — рассказал «Интерфаксу» сотрудник пресс-службы Департамента транспорта. — В любом случае о таких акциях необходимо заявлять заблаговременно.

Сергей Сёмушкин

*Людмила Глебовна Редлих***1921–2011**

В чистый четверг, 21 апреля 2011 г., в преддверии Светлой Пасхи, закончила свой долгий мирской путь наш сподвижник, один из старейших, с 1938 г., членов НТС Людмила Глебовна Редлих (урождённая Скуратова). Безусловно, её жизнь, вся без остатка отданная любви к России и к Богу, была и останется примером служения своему делу.

Отец Людмилы Глебовны пропал в СССР при выполнении задания РОБС. Все её родственники принимали самое активное участие в борьбе с большевизмом, коммунистическим режимом с первых трагических дней — с октября 1917 г. и до крушения СССР в 1991 г.

Выйдя в 1943 г. замуж за Романа Николаевича Редлиха, она не только во время войны разделила сложную судьбу мужа, НТС, РОА, но и, несмотря на юный возраст, самым активным образом участвовала в борьбе за лучшее будущее своей страны. В 1945 г. в лагере Менхегоф она родила продолжателя дела своих родителей, нашего друга и соратника Андрея Романовича Редлиха. В конце 1956 г. семья Редлихов переехала на Тайвань, где открылась возможность радиопередач на территорию всей Сибири. Опять Людмила Глебовна была не только надёжным тылом и настоящей боевой подругой, она была ценным, часто незаменимым товарищем и коллегой. Вернувшись в Германию она сделала очень много для русского читателя и слушателя, работая и в издательстве «Посев», и на радиостанции «Свободная Россия».

В последние годы Людмила Глебовна работала над книгой о явлении Семиборской Божьей Матери в XX веке в Хорватии. К сожалению, книга осталась недописанной. Её интерес к христианству не случаен. Как глубоко верующий человек Людмила Глебовна в своё время настояла на том, чтобы в рамках акции «Стрелы НТС» распространялся и «Краткий молитвослов». Это был действительно ценный вклад в дело христианского просвещения. На протяжении многих лет для многих русских людей этот молитвослов был первым шагом к Богу.

Своим жизнелюбием, убеждёностью в правоте, искренностью, честностью и принципиальностью Людмила Глебовна навсегда останется в нашей памяти настоящим с самой большой буквы Другом. Скорбя в этот трудный момент вместе с Андреем Редлихом, мы все радуемся тому, что Бог выбрал именно эти светлые дни, чтобы призвать к себе Людмилу Глебовну, человека, многое сделавшего на земле для истины, для людей и для Бога. Вечная ей память в наших душах и в наших сердцах.

*Владимир Сергеевич Курдюков***1941–2011**

В ночь на 30 апреля 2011 г. во Франкфурте-на-Майне в своей квартире скончался (род. 29 марта 1941 в Париже) казначей Зарубежного Отдела НТС, член Руководящего Круга НТС, казначей Свято-Князь-Владимирского братства, давний член Русских Соколов Владимир Сергеевич Курдюков.

На Пасху священник его дома причастил. После кончины, в субботу утром, священник о.Николай

(МП) сразу приехал на квартиру и отслужил краткую панихиду над телом усопшего.

Кто его помнит, помолитесь за упокой его души.

За дальнейшей информацией обращайтесь к родственникам (Isabelle Kourdukoff, 12 Rue Daru, F-75008 Paris, France) или к Андрею Романовичу Редлиху (моб. +49-177-7798775; E-Mail: andreys-atelier@t-online.de). Похороны состоялись на русском кладбище в Париже.